

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

УБОЙНАЯ ПОЗИЦИЯ

Сергей Васильевич Самаров
Убойная позиция
Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174340
Сергей Самаров. Убойная позиция: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27696-7

Аннотация

Новейшая снайперская винтовка позволяет уверенно попадать в цель с расстояния более 3000 метров. Это абсолютный рекорд! Благодаря особым пулям она обладает могучей поражающей силой. Не удивительно, что чудо-винтовкой заинтересовались террористы, задумавшие устранить президента Чечни. Для этой цели в Пакистане проходит подготовку снайпер, который затем отправляется в чеченское ущелье. Скоро туда должен прибыть президент... Но внезапно в горах появляется капитан спецназа ГРУ Самурай со своим отрядом. Винтовка захвачена и начинает действовать уже против боевиков...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	8
1. ЗАСАДА	8
2. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	14
Глава 2	20
1. НЕ ОТПУСТИТЬ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ...	20
2. НЕ ОТПУСТИТЬ ПРЕСЛЕДУЕМОГО...	27
Глава 3	34
1. ПОЩАДИ ВРАГА СВОЕГО...	34
2. НИКАКОЙ ПОЩАДЫ...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Самаров

Убойная позиция

ПРОЛОГ

В пустых, бесконечно длинных коридорах без окон людей почти не было. Только один раз навстречу торопливо прошел человек, несущий прижатые к груди бумаги. Но если бы люди и шли навстречу, их рассмотреть было бы трудно, потому что в глаза бил идущий отовсюду белый свет – от стен, дверей, от пола и потолка. Обшивка была ослепительно белой. Но в то же время пропускала свет. Светильники были спрятаны под ней, и от их множества приходилось слегка жмуриться, пока глаза привыкнут к обилию света.

Еще впечатляла сложная пропускная система учреждения...

Эмир вел себя спокойно, никак не показывая своего отношения к окружающей обстановке. Он вообще всегда и в любой обстановке был холодно спокоен. И никто не знал, что у него на уме. Снайпер же жмурился от света и шире раскрывал глаза только тогда, когда подходило время удивляться. Раньше Снайперу видеть доводилось подобное только в кино. Провожжающий их сотрудник в белоснежном халате сначала приложил к замку персональную пластиковую карточку с микрочипом, но это действие открыло не саму бронированную дверь, а только глазок в двери. Провожжающий приложил к глазку свой глаз и нажал синюю кнопку на неестественно-белой стене. Что-то щелкнуло, и прозвучал электронный зуммер.

Через три секунды раздался равнодушный механический голос, произнесший по-арабски:

– Сетчатка вашего глаза идентифицирована. Наберите условный код...

Провожжающий набрал на цифровом замке шесть цифр, прикрывая их от гостей плечом, и только после этого дверь стала открываться с помощью бесшумного механизма.

Они вошли в небольшое помещение, в противоположной стене которого были еще две странные двери. Провожжающий снова набрал на замке код, потом приложил к замку пластиковую карту. Открылась одна из дверей, за которой оказалась зеркальная кабина лифта.

Снайпер удивился уже в который раз. Здание, к которому они подъехали, имело в качестве второго этажа только будки охраны на плоской крыше. Но удивление прошло, когда лифт плавно и беззвучно поехал вниз.

– Мы почти на месте... – сказал Провожжающий. – Остался только один коридор...

* * *

Провожжающий остался за дверью. Ему ни к чему знать подробности разговора и даже предмет его. Он вообще – никто... А эмира и Снайпера встретил человек в белом халате – хозяин кабинета. Внешность у него была европейца, но разговаривал он по-арабски безукоризненно правильно. Или родился на Востоке, или живет здесь очень давно...

– Можете называть меня мистером Рамстеллом, – сказал хозяин кабинета, взял со стола пульт дистанционного управления, нажал какую-то кнопку, и стена справа раздвинулась, показав пришедшим единственную большую полку.

Этот кабинет был не таким белым, как коридоры, и здесь можно было не жмуриться. Хотя глаза не сразу привыкли к более мягкому освещению.

– Прошу пройти и взглянуть... – предложил мистер Рамстелл и первым шагнул в сторону полки. Стало заметно, что он сильно хромотает на левую ногу.

Гости последовали за ним. На полке лежали три серые пластиковые упаковки. Две – длинные и узкие, одна – похожая на «дипломат».

– Кто из вас специалист? – спросил мистер Рамстелл, слово «специалист» произнося с большим уважением. – Очевидно, вы?..

Взгляд его остановился на Снайпере. В принципе, определить «специалиста» было несложно, потому что эмир не только очки носит, но еще и немолод, следовательно, неспособен к выполнению задачи, которая специалисту поручается.

– Берите упаковки и несите на стол...

Мистер Рамстелл захромал назад к своему креслу. Эмир пошел за ним, а Снайперу пришлось взять в руки все три упаковки и перенести их на необыкновенно широкий письменный стол.

– Раскрывайте... – предложил мистер Рамстелл. – Замки на этой модели простые. Без программы самоуничтожения. В вашем экземпляре такая программа будет заложена в замок. Код вы установите сами при закрывании каждой упаковки... Как только получите, установите код... До этого код введен не будет... Раскрывайте... С таким чудом вам еще не приходилось встречаться...

– Он испробовал многие лучшие винтовки мира... – сказал эмир с гордостью. – Много видел и не каждую выбирает... Он – лучший в мире стрелок... Это я вам заявляю с полной ответственностью, потому что всю свою жизнь посвятил воспитанию стрелков и готовил их для лучших частей специального назначения всех стран... На это я четыре последних года потратил...

– Я буду только рад тому, что моя винтовка попадет в такие руки, – кивнул мистер Рамстелл. – Я делал ее не для пастухов, которые отбиваются от волков... Одна такая винтовка, а лучше две или три – сила огромная, они способны решить исход большого боя...

– И еще я хочу сказать, что снайпером, как поэтом, надо родиться. На все воля Аллаха, и он дарит человеку талант...

Мистер Рамстелл, должно быть, знал что-то об умении эмира говорить много и долго и потому постарался прекратить начавшийся диалог. Для чего поднял руку, требуя тишины и привлекая к себе внимание.

– Я попрошу уважаемого специалиста осмотреть оружие, а сам приглашу людей, которые желают с вами поговорить... Вы раскрывайте все упаковки, молодой человек, раскрывайте... Это все входит в стрелковый комплекс...

Мистер Рамстелл наклонился к столу и, похоже, нажал какую-то кнопку под столешницей.

Снайпер тем временем раскрыл последнюю упаковку, самую маленькую, стал поочередно брать содержимое в руки, рассматривать и укладывать обратно.

– Разбираетесь, что к чему? – поинтересовался мистер Рамстелл.

– Лазерный дальномер... Хороший, мощный... – показал Снайпер пальцем. – Лазерный целеуказатель... Полевая метеостанция, спаренная с трубкой спутниковой связи... Полагаю, работает с системой спутников в формате GPS... Хорошая штука... Баллистический калькулятор... – он пощелкал выключателем, нажал кнопку «меню» и построчно проверил функции. И отложил прибор в сторону.

– Чем-то не нравится? – спросил мистер Рамстелл с легким удивлением.

– Российский лучше¹...

¹ Парадокс, но российская военная промышленность выпускает баллистические калькуляторы, способные просчитывать траекторию самых современных пуль в мире, в том числе и пуль с покрытием из дисульфида молибдена, и при этом та же промышленность не выпускает таких пуль, как и современных снайперских винтовок. В случае вооруженного столкновения один снайпер, вооруженный современной дальнобойной снайперской винтовкой, способен полностью уничтожить целый взвод снайперов, вооруженных штатными российскими винтовками, и при этом остаться незамеченным.

– Чем же?

Снайпер раскрыл коробку и вытащил патрон. Показал.

– Пуля покрыта дисульфидом молибдена...

– Да, – согласился мистер Рамстелл, довольный, что Снайпер с первого взгляда определил качество пули и даже покрытие, но не понимающий, почему в связи с этим зашла речь о баллистическом калькуляторе. – Дисульфид молибдена существенно снижает трение о воздух и улучшает баллистические качества пули...

– Ваш калькулятор не учитывает баллистические характеристики такого покрытия...

– Он делает на них сноску... Конечно, приблизительную...

– Это и называется – не учитывает... Приблизительная сноска обеспечивает некачественный выстрел... А если это в то время, когда больше одного выстрела произвести не удастся...

– Ни один калькулятор не учитывает, – согласился мистер Рамстелл вполне миролюбиво.

– Российский учитывает... – возразил Снайпер. – Он легко подключается вместо вашего и будет точно так же подавать данные прямо в прицел... Его специально создавали совместимым... И будет работать лучше...

– Я не видел российского баллистического калькулятора, – сухо ответил мистер Рамстелл. – Я вообще не видел ни одного калькулятора, способного просчитать траекторию полета пули с покрытием из дисульфида молибдена...

– Тем не менее, такой есть...

– Ваше дело, – слегка сердито махнул рукой хозяин кабинета. – Что эти калькуляторы еще учитывают?

– Сам я не видел такие, но поговаривают, что самые последние могут просчитать даже характеристики на выстрел патроном «.408 cheynee tactical»...

– Вам нравится этот патрон? – мистер Рамстелл загадочно улыбнулся.

– Хороший патрон... – сдержанно согласился Снайпер. – Мне удалось его опробовать, правда, только на полигоне в Иордании, когда испытывали новую винтовку... Хозяин был никудышным стрелком, пришлось дать ему пару уроков, которые эмир, – последовал вежливый поклон в сторону эмира, – научил меня давать...

– С помощью Аллаха... – скромно сказал эмир.

– И куда, если не секрет, эта винтовка отправилась? – прозвучал вопрос.

– Насколько я понимаю, в Палестину...

Мистер Рамстелл недовольно скривился, явно не одобряя место, куда винтовка была отправлена. Но ничего не сказал и вернулся к предмету разговора.

– Наш, а теперь и ваш, имеет лучшие баллистические показатели... – с гордостью сказал мистер Рамстелл. – «.408 cheynee tactical» позволяет поражать цель на расстоянии до двух с половиной километров... Правда, пока неофициальный мировой рекорд во время боевых действий, то есть не на испытательном полигоне, был установлен офицером НАТО, уроженцем Канады, в Афганистане. Он убил противника-талиба с дистанции 2138 метров². Надеюсь, вы установите свой рекорд, о котором будут много говорить специалисты... И не только... Ваше имя войдет в анналы истории, как и наша винтовка... Вам достанется слава, вы выполните свою задачу и неплохо на этом заработаете, а мы...

– А вы, уважаемый, будете иметь повышенный спрос на свою винтовку... – сказал эмир и сложил ладони перед грудью. – С помощью Аллаха...

– Примерно так... – согласился мистер Рамстелл. – Кому-то дистанция покажется невероятной... По крайней мере, три километра, мы считаем, – это вполне реально... Возможно,

² Действительный рекорд, зафиксированный контрольным лазерным дальномером.

дистанцию можно увеличить еще до двухсот метров... Даже наверняка можно увеличить дистанцию, если применять другие пули. Мы выделим вам соответствующие патроны... Может быть, слышали про «управляемую пулю» с керамическим наконечником?³ Так вот, у вас будут патроны с такой пулей... Мы вас обеспечим... Нам нужен только снайпер... Такой, как вы... Мы долго вас искали...

Дверь открылась без стука или какого-то другого сигнала. Вошли двое. Явно не арабы, хотя, казалось бы, в арабском секретном оружейном центре места для европейцев и американцев найтись не должно.

– Мы долго вас искали... – продолжил разговор старший. – И нашли... Говорят, что в современном мире нет лучшего, чем вы, снайпера... Мы понимаем, как мало значат слова и слава... Слов будет звучать много, и славы будет много... Но вашей славе не хватает, естественно, маленького дополнения в миллион долларов наличными... Вы получаете этот миллион, как только возвращаетесь с выполненным заданием... Условие только одно... Дистанция не должна быть меньше трех километров... На каждые дополнительные десять метров следует доплата в десять тысяч долларов...

– Вот здесь, – показал мистер Рамстелл на место в прикладе винтовки, – место, куда вставляется мини-диск. Все ваши боевые операции с винтовкой будут фиксироваться приборами... Мы сумеем проверить, с какой дистанции вы стреляли... Мировые рекорды, как вы знаете, необходимо точно фиксировать...

– Но этого мало... Нам не столько важен сам ваш выстрел, сколько резонанс, который он вызовет... В прессе должен подняться шум... Винтовку должны найти, поскольку вы, естественно, оставите ее на месте, откуда будете стрелять...

– Диск после выстрела вынимаете и уносите с собой... – добавил мистер Рамстелл.

– Да, диск доставите нам, чтобы мы могли дорабатывать оружие... А расстояние пусть измеряют те, кто будет исследовать место, откуда вы стреляли... Мы им поможем поднять большой шум... Сами они не справятся...

– Винтовку жалко... – Снайпер вздохнул совсем не притворно.

– Не волнуйтесь. Мы вам сделаем подарок после выполнения задания. Новая винтовка будет в вашем распоряжении. Точно такая же или даже более усовершенствованная. Мы же не останавливаемся на достигнутом. Наши специалисты продолжают работу над улучшением своего детища... И вы станете обладателем последнего экземпляра... Договорились?

– Договорились... Где я получу оружие? – спросил Снайпер.

– Вы хотите взять его с собой?

– Конечно же, нет...

– Правильно... Вам его доставят... Вместе с авансом в сто тысяч долларов... Есть какие-то просьбы?

– Опробовать винтовку на полигоне...

– Это естественно... Вам дадут возможность произвести двадцать выстрелов. Десять обычным патроном, десять патроном с «управляемой пулей».

– Этого хватит, – согласился Снайпер.

³ Одна из последних разработок военных лабораторий США – «управляемая пуля». Разработчики учли тот факт, что ветер на сверхдальних дистанциях должен меняться в зависимости от профиля местности, изменять направление и скорость. Новая пуля способна «бороться» с такой помехой, как ветер. Она имеет керамический наконечник, который может отклоняться при полете на 1 градус в любую сторону. Отклонение производится простейшим приводом. Баллистическая траектория полета пули выравнивается по лазерному лучу. Патрон калибра 12,7х99 был впервые опробован американцами еще в конце 20-го века.

ГЛАВА 1

1. ЗАСАДА

Черный вороненый ствол автомата едва заметно вздрогнул, чуть пошевелился над камнем. Похоже, человек, который держал в руках автомат, просто устал находиться постоянно в одной позе. Он пошевелился еще раз, потом еще, стараясь незаметно размять затекшие мышцы.

– Лаврентий, ты убит... – раздался в наушнике «подснежника»⁴ слегка насмешливый, как обычно, голос Самурая.

Младший сержант Олег Лаврентьев чуть не по стойке «смирно» готов был застыть, но поза, еще первоначально принятая в тесном укрытии, вырытом под одним кустом и другим кустом прикрытом, не позволяла ему полностью вытянуться.

– Вы меня видите, товарищ капитан? – командир роты любил, когда солдаты с ним запросто общаются, и потому заданный удивленным тоном вопрос показался ему естественным.

– Не видел, пока ты не пошевелился... Искал специально, и не видел... Так что учти – просто хорошо замаскироваться, этого еще мало... В условиях маскировки надо суметь не выдать себя...

– Ноги затекают...

– Терпи...

«Терпи» – это любимое слово-команда капитана Рудакова. Именно ее чаще всего приходится слышать на занятиях. И уже вся рота хорошо знает, что умение терпеть – это главное качество любого спецназовца. Потому что в разведке, в настоящей разведке, в боевой, в такой, как сейчас, умение терпеть и самого наблюдателя не выдаст, и других под огонь противника не подставит. Но терпеть обездвиженность гораздо труднее, чем терпеть потерю дыхания при беге или удары противника в тренировочном рукопашном бою. Обездвиженность – это, пожалуй, самое сложное в спецназовской службе...

– Понял, товарищ капитан. Учусь у прапорщика Родионова... – сказано было с легким ехидством, но и с едва заметной завистью.

Прапорщик Родионов, штатный снайпер роты, даже под куст не прятался. Его лохматый маскировочный костюм сам напоминает настоящий куст. Устроился на скале, подвернул под себя ноги, как обычно делал – и замер. Тряпочки костюма, как листья, на ветерке колыхаются. С десяти шагов не поймешь, что это не куст, а человек. А уж с дальней дистанции тем более. Винтовка из куста, как отдельная ветка, торчит. Тоже маскировочными листьями обвешана.

Прапорщик никак на фразу не отреагировал. Он от природы молчун. И терпеливый тоже от природы. Терпению у него всем бы поучиться.

Сам капитан занял позицию по другую сторону дороги вместе со вторым отделением. Уровень засады метров на пятнадцать ниже уровня расположения первого отделения. Но там кусты позволяют спрятаться. Здесь же подходящие кусты высоко растут, пришлось подниматься. Дорога внизу, между двух сопков, грунтовая, с наезженной после недавних затяжных и основательно всем надоевших дождей колеей, обнажала жирный и липкий чернозем. Если

⁴ «Подснежник» – коротковолновая миниатюрная рация ограниченного радиуса действия, состоит из приемника передатчика, помещающегося в нагрудном кармане, миниатюрного наушника и маленького микрофона, крепящегося на гибком поводке к воротнику.

забраться выше в горы, километрах в пятидесяти, там, где начинается Веденское ущелье, о черноземе не слышали, там что на дороге, что на редких лугах, где дети коз пасут, земля каменистая, и никаким дождем не размываемая.

Но туда еще предстоит, возможно, дойти. Капитан предупреждал, чтобы готовились к дальней дороге вверх, к горам... Отсюда к горам как раз и угодишь. Речка Хулхулау, большую часть года почти пересохшая, туда ведет. Сначала в большое село Автуры, которое речка на две части разделяет, потом выше, в горы. По руслу подниматься, как раз в Автуры и угодишь. А за Автурами Веденское ущелье начинается, самые бандитские места во всей Чечне, сам Басаев родом был из тех мест...

Но это были только предположения на дальнейшие действия. Сейчас задача стояла проще. Хотя простую задачу, случается, по небрежности тоже выполнить не удастся.

– А ты меня видишь? – поинтересовался Самурай.

– Поищу... – предупредил младший сержант с угрозой.

Лаврентьев долго всматривался в противоположный склон. Каждый кустик глазами ощупывал, искал несоответствие в системе склонения ветвей. Но обнаружить капитана или кого-то из его сопровождающих не смог. Второе отделение спряталось хорошо...

– Ладно, хватит в игрушки играть, за дорогой смотри... – Самурай легко переходил от шутливого тона к тону приказному, и в этом случае следовало забыть про происходящее минуту назад. Подчиненные давно научились своего командира понимать и слушаться.

* * *

Белая трехдверная «Нива» без номеров показалась минут через пятнадцать. Все это время никто не нарушал тишину даже в эфире. Несколько дыр в крыше – следы от пуль – показали, что это не посторонняя машина, а та самая, которую они ждали. «Нива» ехала медленно, перемешивая черную вязкую грязь в колее. Колеса с грубой ребристой резиной словно не торопились вырваться из земляного плена. Машину по грязи слегка заносило, но водитель хорошо владел рулем и легко возвращал готовую свернуть в сторону склона машину на нужный путь.

– Внимание! – сказал Самурай. – Они... Всем «умереть»... Не дышать... Пропускаем...

Это была разведка... Солнце светило навстречу автомобилю, и хорошо было видно человека на переднем сиденье, который, наклонившись к стеклу, всматривался в окружающие дорогу сопки, вправо, влево, потом опять и опять... Всматривался нервно, что было заметно даже со стороны. Когда спокойно смотрят, не перебегают глазами с одного участка на другой так часто. Так ничего рассмотреть невозможно. Впрочем, все равно ничего рассмотреть было невозможно, потому что невозможно было запомнить, как располагались кусты рядом с многокилометровой дорогой, даже если ездить по этой дороге каждый день...

На заднем сиденье сидели автоматчики. Их стволы торчали над плечами водителя и сидевшего рядом с ним пассажира, и наблюдатель часто задевал щекой ствол. Охрана хотела быть внимательной... Но одного желания мало. Внимательным можно быть, но ничего не увидеть. Надо уметь видеть...

Бывало, когда спецназ выходил на задания и после успешного боя отрывался от противника, окружающие сопки точно так же представляли опасность. Тогда частенько подобные места до приближения к ним на опасное расстояние простреливались насквозь, чтобы выбить возможно засевшую там засаду. И только на памяти младшего сержанта Лаврентьева было два случая, когда превентивный обстрел давал результаты и кусты отвечали ответным «огнем». Но делалось это только тогда, когда приходилось отходить из района, где боевиков было много. На пути к месту операции, естественно, никто не демаскировал себя раньше

времени. Но спецназ никогда, если была возможность, не добирался до места операции транспортом. Лучше два дня по горам пройти и с успехом сделать свое дело, чем приехать за два часа к месту и никого не застать. Сейчас они от места, где оставили машину, шли шесть часов пешком...

* * *

Так же неторопливо, как и до того ехала, «Нива» скрылась за поворотом...

– Всем внимание! – деловито сказал Самурай. – Слышим звук? Едут...

Звук двигателя второй машины слышали все. Напряжение дошло до высшей степени накала. Младшему сержанту Лаврентьеву казалось, что пальцы деревенеют от сдерживаемого желания ощутить, как бьется в руках горячий автомат. Даже мышцы в предплечьях сводило.

«Терпеть...» – послышалась со стороны команда Самурая.

Она, конечно, только послышалась... Самурай ничего не сказал, иначе голос бы не со стороны прозвучал, а из прочно засевшего в ухе наушника «подснежника». Но эта команда так прочно сидела в подсознании, словно ее молотком вбивали. Лаврентьев хорошо знал, что терпеть следует не только физические нагрузки и неудобства, но и, даже в первую очередь, терпеть бешеную нагрузку на психику. Нельзя срываться... Терпеть... Надо терпеть...

– Они... – вот теперь Самурай сказал, и из-за поворота показался темно-зеленый «Лендровер Дискавери», почти новенький, поблескивающий лаком.

«Лендровер» ехал тоже медленно, чтобы не нагнать ненароком «Ниву» и не помешать разведке. В принципе, здесь, в предгорьях, места считались почти безопасными. Это чуть южнее, на окраинах гор, там уже стояли гарнизоны, там присматривали за всеми подозрительными людьми. А здесь еще можно расслабиться... Тем не менее меры предосторожности соблюдались...

– Предупреждаю, – сказал Самурай, – стрелять сначала по колесам, потом по людям, одиночными выстрелами, прицельно... Никаких гранат, их применение запрещают... Родионов работает автономно, согласно плану...

Вообще-то инструктаж на эту тему был уже проведен перед выступлением на операцию. А сейчас командира слышали только два командира отделений, которым капитан Рудаков выделил по «подснежнику», обычно не предназначенному для солдат, снайпер прапорщик Родионов и больше никто. Но командиры отделений сидели в своих укрытиях, бойцы в своих, рассредоточившись по обеим склонам сходящихся к дороге сопкам, и, чтобы дать им команду, пришлось бы кричать. Впрочем, они и без крика обычно повторяют то, что делают командиры, и не лезут вперед без надобности.

«Лендровер Дискавери» приближался. Красавец автомобиль! В такой и стрелять жалко! Младший сержант Лаврентьев смотрел сквозь прицельную планку то на «Лендровер», то на условную линию, которую лазерным целеуказателем час назад прочертил капитан Рудаков. Команды для открытия «огня» не будет, «огонь» открывать после пересечения машиной этой линии, начинающейся от черно-белого придорожного камня. Из всех десяти стволов первого отделения по колесам и пассажиру, сидящему впереди. Водителя «обслуживает» прапорщик Родионов. Все работают одиночными выстрелами, чтобы пуля не улетела куда не следует, что всегда случается при стрельбе в автоматическом режиме даже при предельно коротких очередях. Второе отделение сразу стрелять не будет. Оно к захвату машины готовится. Спецназовцы сидят к дороге ближе и ниже, можно сказать, сверху нависли, готовые на непрострелянную, в отличие от «Нивы», крышу «Лендровера» прыгнуть. Конечно, в действительности никто прыгать на крышу не собирается. Это ни к чему, поскольку напрасно рисковать будет только дурак. Но первое отделение машину оста-

навливают и ликвидируют двух человек, видимых со стороны. Второе отделение работает по сидящим на заднем сиденье. Это их клиентура, и стрелять будут только при условии видимости, зная, в кого стреляют. Опять же, чтобы пуля не прошла мимо и не попала туда, куда не следует. Все предупреждены, что в машине есть что-то, что следует от пули уберечь...

«Лендровер» медленно месил колесами чернозем. Резина на колесах хорошая, чистая. Есть такая резина, на которую грязь не липнет, она и грязь и снег из углублений выбрасывает, едва колесо проворачивается. Но казалось, что машина ползет неестественно медленно, хотя шла она вполне уверенно.

Десять метров до черно-белого камня...

Пять метров до камня...

Младший сержант положил большой палец на предохранитель и прижался щекой к обмотанному шерстяным мягким шарфом прикладу. Мама шарф вязала. Думала, что сын на шее будет его носить... Но он «утеплил» приклад, чтобы можно было к нему щекой приложиться и не ждать сильного удара отдачи в скулу.

Два метра до камня...

Предохранитель опустился на одно деление ниже в положение одиночного огня, указательный палец сразу лег на спусковой крючок, дыхание задержалось само собой, как всегда бывает при прицеливании, и...

Цели были распределены заранее. Из десяти бойцов первого отделения в пассажира, сидящего впереди, стреляли только двое – по паре выстрелов на каждого. В водителя стрелял снайпер прапорщик Родионов, потому что водитель мог быть в бронежилете и вывести машину из-под обстрела. Автомат может бронежилет и пробить, и не пробить. А снайперская винтовка пробьет наверняка. Остальные целились по колесам машины. Литые колесные диски большого диаметра, резина низкопрофильная... Резина разлетелась сразу, разорванная в клочья выстрелами. Причем пули летели не под прямым углом, и потому не просто пробивали, а рвали ее. И с водителем, и с пассажиром, что сидел впереди, было покончено тоже сразу. Каждый получил по две пули. Больше стрелять не стали. Машина не остановилась сразу, только светящиеся легкосплавные диски вдавились в грязь и проехали еще пару метров, углубляя колею своими острыми краями, пока не ослабла нога убитого водителя, давящая на газ.

«Лендровер Дискавери» встал...

Второе отделение, возглавляемое самим командиром роты капитаном Рудаковым, начало работать сразу, как только зазвучали выстрелы первого отделения. Каждый боец первого отделения сделал по два выстрела. Больше стрелять было запрещено, поскольку можно было попасть в своих. Второе отделение уже в пару прыжков преодолело разделяющее их и дорогу расстояние. Прозвучали еще несколько выстрелов, слившихся, по сути дела, в один. Правда, младший сержант Лаврентьев этого уже не видел. Он, как и все его отделение, уже начал перемещаться ближе к повороту дороги, наискосок по склону, к камням, не способным спрятать, но представляющим собой удобный бруствер, на который легко положить ствол для почти комфортной стрельбы. Стрелять, правда, пришлось не сразу, но, ожидая появления противника, не будешь оборачиваться, чтобы свое любопытство удовлетворить.

А действие за спиной разворачивалось стремительно. Первых выстрелов уже хватило, чтобы уничтожить двух пассажиров на заднем сиденье. Но пассажиры мало интересовали капитана Рудакова. Сам Самурай даже не стрелял. Он сразу рванул к задней дверце внедорожника и рывком распахнул ее сразу после того, как отгремели выстрелы. В багажнике наискосок лежали три пластиковые упаковки: две длинные, одна размером с «дипломат». Все упаковки были снабжены ручками для удобства переноски.

– Вот оно!.. – Самурай знал, что искал...

– Что это? – спросил командир второго отделения старший сержант Колосков, оказавшийся за плечом командира роты. Еще два солдата стояли рядом. Остальные сразу отбежали в ту сторону, откуда пришла машина. Место для ведения «огня» было выбрано заранее, и люди, которые должны были блокировать возможную помощь, тоже были определены.

– Это то, что нам нужно... Забираем груз...

– А эти? – спросил кто-то, кивая на пассажиров «Лендровера».

– Забрать документы и оружие... О телах позаботятся родственники... Быстро работаем...

Неуклюжий и даже смешной в своем маскировочном костюме, прапорщик Родионов подошел ближе. Посмотрел вопросительно в глаза командиру. Тот показал на упаковки. Родионов удовлетворенно кивнул.

Обыск машины много времени не занял. Задержка возникла только тогда, когда один из солдат развернул свернутый в несколько раз большой пластиковый пакет, какой можно приобрести в любом магазине.

– Товарищ капитан...

Самурай подтянулся, забрался коленом в багажник и заглянул через заднее сиденье между высоким боковым и низким средним подголовниками. Солдат показал. В пакете было завернуто несколько стянутых резинками пачек долларов.

– Тысяч сто, наверное...

– Сто и будет... Забери, сгодятся... Уходим... Пора...

Уходить было действительно пора, потому что первое отделение, находившееся в пятидесяти метрах впереди, около поворота дороги, открыло активную, беспорядочную на первый взгляд, стрельбу. Теперь уже в автоматическом режиме, бесконтрольно, разудало, словно желая вознаградить себя за недавнее ограничение в стрельбе по «Лендроверу». Белая «Нива», виляя по грязи, рвалась прямо под выстрелы, надеясь успеть до того, как завершится дело. Но пули работают быстрее любого автомобильного двигателя. Через несколько секунд неуправляемую машину, прострелянную теперь уже во многих местах, а не только в крыше, выбросило в кювет и завалило набок. Олег Лаврентьев первым подскочил к застывшей в неуклюжем положении машине и дал две короткие очереди в заднее окно – контрольные выстрелы...

Старший сержант Колосков дал команду своему отделению прикрывать отход остальных, на случай, если «поторопится» замыкающая колонну машина. Неизвестно, слышали ли в замыкающей машине выстрелы. Если слышали, там могли поторопиться. Это тоже было бы не страшно для спецназовцев, потому что ни в одной легковой машине не может поместиться столько народу, что смогли бы противостоять огневой мощи двух отделений автоматчиков, но пока еще группе задерживаться не хотелось, а новая перестрелка обещала некоторую задержку. К тому же пассажиры замыкающей машины *должны* были, по задумке капитана Рудакова, сообщить о происшествии на дороге кому следует, чтобы было организовано преследование по всем правилам военного искусства. Если их всех «положат» в перестрелке, кто тогда сообщит? А «положить» их обязательно «положат», Самурай знал способности своих ребят и их умение не отпускать никого. Он сам их «волкодавами» называл, когда хотел похвалить. Волкодавы своей добычи не упускают. А Самурай при этом не может сказать, что отпустить необходимо, не объяснив причины. А как, какими словами эту причину объяснить?.. Нет у Самурая слов для такого объяснения... Только прапорщик Родионов в курсе того, что происходит. Но Родионов готов был бы пойти на эту операцию ради лишь одного взгляда, брошенного на содержимое трех захваченных упаковок...

* * *

Капитан Рудаков нагрузил подчиненных пластиковыми упаковками. Направление отступления было заранее просчитано по карте и проверено на местности. Все, как предполагается при проведении такой серьезной операции. Предусмотреть старались каждый шаг. Основная часть отряда двинулась наискосок по склону, туда, где тропа ведет к асфальтированной дороге. Шесть часов по тропе, вверх – вниз, вверх – вниз... Направляющим пошел младший сержант Лаврентьев. Трое с грузом – в середине строя. Самурай проводил взглядом солдат и повернулся к черноземной дороге. Минуту, если не больше, вслушивался в ветер. Наконец послышался звук двигателя машины. Двигатель гудел надсадно, на низких оборотах заставляя колеса перемешивать грязь. Но не создавалось впечатления, что замыкающая колонну машина торопится.

– Отходим выше... – громко скомандовал Самурай.

Солдаты начали отход грамотно – двумя группами. Одна группа отходит, вторая прикрывает. Через несколько десятков метров первая группа занимает позицию, тогда отходит вторая группа. Не зря капитан Рудаков столько времени потратил на обучение солдат. В бою они ведут себя как опытные вояки, хорошо знающие теорию и умеющие применять ее на практике... Он не мог этого не отметить и не мог не почувствовать гордость. Но в то же время он чувствовал тревогу, потому что капитан втравил два отделения одного из взводов своей роты в историю, в которую сам вошел охотно, даже зная ее опасность, но подвергать такой опасности жизни солдат лишний раз он не желал... Тем не менее пришлось...

Сам он тоже получил не приказ, а предложение. Отдать такой приказ офицеру не решился бы ни один командир. Капитану Рудакову объяснили, что от него требуется. Но раскрыть суть задания перед солдатами Самурай не мог, то есть он не мог предложить им выбор – участвовать в деле или отказаться от него. И он вынужден был отдать приказ...

Звук двигателя машины приближался. Но группа успела уйти в заросли раньше, чем машина появилась из-за поворота.

– Уходим не спеша... Догоняем своих! – скомандовал Самурай. – Колосков, выставь боковое охранение...

Старший сержант быстро распорядился, а капитан задержался между кустов, выставляя на ребро высокий плоский камень и пряча под него гранату с сорванным кольцом. Такой камень только задень второпях – он упадет и освободит рычаг гранаты...

2. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

– Жену бы навестить не мешало... – вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Дукваха, протягивая к огню вывернутую наизнанку куртку.

Дукваха ловил в швах одежды давно надоевших ему блох, прочно там обосновавшихся. От близкого огня блохи начинали суетиться, и он их стряхивал щелчком прямо в пламя.

– Э-э... Послушай... Ты грудью на очаг ложись, – приоткрыв сонные глаза, посоветовал Дуквахе Трехглазый Муса. – У тебя на груди их больше прячется, чем в одежде... Там целая ферма...

Трехглазым Мусу зовут за родинку в форме недремлющего ока, висящую над переносицей. Кто впервые Мусу видит, особенно в полумраке, даже вздрагивает. Немудрено испугаться от такого вида...

Грудь у Дуквахи и вправду, как у породистого барана спина. Через волосы до кожи не добраться. Дукваха к совету, однако, не прислушался. Побоялся, видимо, волосы подпалить...

– Не надо на очаг... – словно отвечая на мысли Дуквахи, возразил Мовсар Копченый. – Паленные волосы плохо пахнут... И запах долго стоит... Нору потом не проветрить...

Несколько лет назад Мовсар готовил пороховую мину и часть пороха взорвалась у него перед лицом. Глаза уцелели, хотя белки с тех пор стали красными, но кожа на щеках и на носу приобрела цвет копченого мяса. С тех пор Мовсара и стали звать Копченым.

Главный разговор, однако, шел не о блохах...

– Эмир, что скажешь? Жена у меня болеет... Навестить не мешало бы... – Дукваха наконец-то обратился напрямую к тому, для кого его слова звучали.

Эмир, перед тем как ответить, встал и высунулся из землянки, словно проверил обстановку в лагере.

– Потерпи пару дней... Новая база ближе к дому будет...

И сел в свой угол, где обычно часто дремал с открытыми глазами...

* * *

Эмир Хамидрашид Дадашев в свои тридцать два года ничем, кроме войны, в жизни всерьез не занимался. То, что он был когда-то студентом, в счет не шло, потому что студенчество – это не род занятий. Он мог бы стать профессиональным спортсменом, поскольку учился на профессионального тренера по борьбе дзюдо, но стать спортсменом помешали обстоятельства. И потом, что это за профессия – спортсмен... Война – это вот да!.. Это дело стоящее для мужчины с характером горца... Победу спортсмена нельзя сравнивать с победой воина!

И сначала Хамидрашиду Дадашеву сильно нравилось воевать. Даже просто командовать нравилось, отдавать приказы и смотреть, как эти приказы выполняются. Потом стало нравиться меньше, потому как сначала казалось, что удача всегда будет на стороне ичкерийцев и счастливая судьба никогда не отвернется от сильных... Но получилось не так... И теперь занятие войной заставило Дадашева забыть, что такое дом и спокойная обстановка, которой тоже иногда хочется даже воину. Многие полевые командиры, которых Хамидрашид хорошо знал, которых уважал, давно сложили оружие и живут спокойно в собственных домах. Ему этого не дано... Грехи за спиной большие...

Конечно, грехов за любым полевым командиром много, но не обо всех грехах знают в прокуратуре. Те, о которых знают, можно простить, как мелкие и несущественные. Те, о

которых не знают, не простили бы, но именно поэтому о них не знают. Хамидрашид никогда не заботился о завтрашнем дне и всегда во всем шел до конца... Без страха, без жалости... Такой характер был у него... И потому свои грехи не прятал... Вот это-то и отрезало ему возможность жить дома и не просыпаться ночью от высокого и визгливого крика ночной птицы, промахнувшейся при атаке на добычу. Птицы очень пронзительно кричат... И слишком много их развелось в округе... Непонятно – отчего так много птиц стало и почему они так часто кричат... Может быть, скрытый в лесной чащобе лагерь маленькой группы, что постоянно находится рядом со своим эмиром, оставляет после себя много отходов жизнедеятельности человека, это привлекает мышей, а там, где мыши, там и птицы? Возможно, это правда... И лисиц стало слишком много... Лисицы тоже там пасутся, где мышей много... Это может выдать базу, и лучше сменить ее... Наверное, уже пора...

Хамидрашид никогда подолгу ни на одной из множества своих баз не задерживался. Месяц, от силы два, и надо переходить на другую, заранее подготовленную. Заранее подготовленных баз много. И даже баз, подготовленных другими полевыми командирами, которыми они уже не понадобятся, потому что эти полевые командиры сдались властям по амнистии. Задерживаться опасно, а Дадашев опасность чувствовал издавна и всегда уходил от нее... Уйдет, конечно, и сейчас, просто сменив базу, но только после того, как завершит начатое... Заложённые у дороги фугасы ждут своего часа... И этот час скоро настанет... Сначала будет звонок на спутниковый телефон, потом работа... А после этого и уходить можно...

* * *

У Хамидрашида много друзей. И это помогает ему... Друзья умеют поднимать его настроение... Один из них, что в райотделе служит, позвонил на днях. Сообщил, что в лесу нашли тайник с оружием, подробно описал место. Сказал, что только через день сообщение о тайнике уйдет в республиканское управление. Только оттуда пришлют людей, чтобы тайник разобрать. Тайники часто заминированными бывают, а в райотделе нет своих саперов...

Хамидрашид со своими людьми место сразу же навестил, тайник нашел без труда – это просто: посмотрел, где бы сам стал тайник устраивать, там он и должен оказаться. Дело полезное, потому что своих тайников не напасешься. Взял запас патронов, целый ящик гранат для «подствольника», которые у него самого давно уже кончились, нашел в дополнение к боеприпасам непортящуюся провизию, что тоже неплохо. А сам тайник заминировал. И Мовсар Копченый на дороге, что сюда же вела, по приказу эмира заложил фугас своего фирменного изготовления. Оставалось дожидаться, когда снова позвонит друг из райотдела и сообщит, что кто-то выехал проверить тайник. Другой дороги здесь нет. Только по одному пути пожаловать могут. И на этом пути эмир Дадашев будет ждать их...

Нет, он, конечно, не мечтает о полном уничтожении выступивших в лес сил. Не те теперь времена, чтобы мечтать о большой операции, имея в наличии восемь человек. Но неприятностей доставить сможет любому противнику. Не каждая группа может подкрепить взрыв очередями сразу из четырех ручных пулеметов. У пулемета скорострельность такая, что не успеешь сообразить, куда спрятаться, как надобность в этом отпадет, потому что трупы прятаться не могут...

* * *

Звонок трубки спутникового телефона раздался в условленное время. Хамидрашид включает трубку только на два часа в день – аккумулятор бережет, потому что запасной аккумулятор, который он отправил на зарядку к другу, еще не доставили. Когда Дукваха домой отправится, чтобы жену навестить, он и аккумулятор заберет, и отдаст на зарядку старый.

Так эмир всегда делает. А двух условленных часов для необходимой связи вполне хватает. Есть всего несколько человек, которые могут эмиру звонить. Не каждый день звонят, а только тогда, когда есть что сказать.

Не желая разговаривать при всех не потому, что разговор был тайным, а потому, что эмиру просто полагается не держать всех воинов джамаата⁵ в курсе своих дел – хотя бы ради поддержания собственного авторитета и создания условной дистанции между ним и подчиненными, – Хамидрашид вышел из землянки. И только на чистом, не задымленном воздухе, проморгавшись, чтобы после полумрака норы все видеть и на свету, эмир глянул на дисплей трубки. Номер звонившего был незнаком. Сначала Дадашев хотел просто перезагрузить трубку, потом, посомневавшись, все же нажал клавишу соединения, и сухо сказал:

– Я слушаю...

– Здравствуй, Хамидрашид...

Значит, не номером ошиблись, значит, ему звонили...

– Здравствуй, я слушаю тебя...

Он ответил так сдержанно, не узнав голос и не понимая, как следует разговаривать с этим человеком. Звонивший громко хмыкнул.

– Ты не спрашиваешь, кто звонит?

В голосе звучал какой-то скрытый вызов, заставивший Хамидрашида насторожиться.

– Я не уверен, что мне это будет интересно... Но я готов выслушать, что ты скажешь мне... Говори, не трать понапрасну мои деньги...

– Это Тамирханов... Если помнишь, меня зовут Арслан Мовсарович...

Только теперь Дадашев уловил в голосе знакомые ему нотки. Он этот голос слышал с детства, потом долго слышать не доводилось... И никак уж не думал, что бывший сосед и друг покойного отца подполковник милиции Тамирханов позвонит ему сюда, в лес, каким-то образом и номер выяснив, и часы, в которые можно звонить...

– Я помню, Арслан Мовсарович... – сказал Хамидрашид после некоторой вызванной удивлением паузы. – Правда, готов сознаться, что меньше всего ожидал услышать вас... Я не спрашиваю, откуда вы узнали номер, я спрашиваю только, зачем я вам понадобился... Просто так вы не стали бы звонить...

– Ты правильно просчитал. Я не стал бы тебе звонить просто так. А если позвонил, значит, ты мне в действительности очень нужен... Нужна твоя помощь, причем помощь немедленная...

– Лично моя? Я могу оказать ее по телефону?

– Не лично. Мне нужен ты со своим отрядом. И конечно же, не по телефону. У меня нет склонности к телефонным митингам.

– Ладно. Позвоните мне дня через три... – чуть лениво предложил Хамидрашид, рассчитывая через три дня посмотреть определившийся на дисплее номер и не отвечать на звонок. – Я тогда чуть-чуть освобожусь и постараюсь вам помочь...

Тамирханов словно прочитал его мысли.

– И ты благополучно избежишь общения со мной. Это мне хорошо знакомо. Многие полевые командиры прибегают к такому способу...

– У меня важные дела, которые я не могу отложить... – Эмир слегка удивился настойчивости подполковника. Пусть Арслан Мовсарович был другом отца Хамидрашида. Разве это дает ему право диктовать свою волю свободному человеку...

⁵ Боевое подразделение у боевиков на Северном Кавказе. Как правило, приравнивалось к отделению, с той только разницей, что имело вооружение для полной автономной деятельности. В джамаат входили обычно разведчики, минеры, связисты, снайперы, минометчики, санинструктор и автоматчики. Иногда понятие джамаата применяется более широко, обозначая большой отряд.

– Не получится... И твое последнее дело не настолько важное, чтобы из-за него отказать мне... Пусть фугас сам по себе взорвется. Он взорвется сам по себе, без машины... А ты со своими людьми должен быть к тому моменту уже далеко, потому что на месте твоей засады тебя должна ждать другая засада. Тебе подстроили ловушку эти ублюдки – «кадыровцы». Они специально для тебя подготовили этот тайник. И подсунули информацию твоему парню в райотделе... Знали, что ты момента упустить не пожелаешь... И тебя, и твоих парней перебили бы, не окажись я человеком при погонах и со связями. А моих бы парней, которых, по их плану, я должен был туда послать, перебили бы твои парни... Я своих парней беречь обязан! А как я могу позволить, чтобы убили сына моего старого покойного друга...

Хамидрашид слегка растерялся от такой информации. Но информация слишком походила на правду, чтобы ей не верить. Метод вполне в стиле «кадыровцев», которые часто устраивают такие ловушки для полевых командиров.

– Я благодарен вам, Арслан Мовсарович...

– Благодарностью сыт не будешь... – по-русски сказал подполковник, перебив эмира. Но тут же снова перешел на родной язык: – Мне нужна благодарность более весомая и немедленная...

Тамирханов говорил резко и жестко. Это слегка раздражало, потому что Дадашев никак не планировал войти в подчинение ментам, но все же чувство благодарности он испытывал и оказать услугу был бы рад.

– Говорите... Я не хотел бы встречаться лично... Если можно по телефону, то говорите... Я постараюсь помочь...

– Ты уж постарайся... Кроме тебя я многих уже поднял... Поэтому не надо будет стрелять во всех встречаемых вооруженных людей. Вас в округе около ста человек... Вы все делаете одно общее дело... Нельзя даже в ментов стрелять, потому что менты здесь только мои... Следует обойти место, где ты фугас выставил. «Кадыровцы» к вечеру начнут туда выдвигаться... Но я надеюсь, что до вечера ты или кто-нибудь еще успеет сделать дело и уже доложит мне... Тогда я смогу всех вас отправить против «кадыровцев». В нашем районе ни отец, ни сын не пользовались авторитетом... И «кадыровцам» лучше сюда не соваться...

Хамидрашид думал недолго.

– Что нужно сделать?

– Ты «летучих мышей»⁶ не боишься?

– Я никого не боюсь... Хотя с «летучими мышами» предпочитаю не связываться...

– Надо связаться... Их здесь только два отделения вместе с командиром роты... около двадцати человек... Точнее сказать не могу... Они перебили моих людей в двух машинах и похитили то, что принадлежит мне... Очень важная вещь... Следует догнать «летучих мышей», перебить их, если получится, захватить их командира... Я подозреваю, что он слишком много знает... И хочу знать то, что знает он... Если не получится, его можно просто убить... Просто, без затей...

– Как его зовут? – поинтересовался Хамидрашид.

– Капитан Рудаков по прозвищу Самурай... Самурай – это потому, что у него слегка узковатый разрез глаз. У него мать, кажется, бурятка... Как таких зовут... Гуран, кажется... Он не японец... И... Самое главное! Я повторяю! Этот капитан устроил засаду только для того, чтобы украсть принадлежащую мне вещь... Я думаю, тебе можно сказать... Ты человек надежный... Он украл новую снайперскую винтовку. Очень важная винтовка, на которой завязана судьба всей Ичкерии... Тебе такая совсем ни к чему, но у нас есть человек, который может с этой винтовкой создать новую историю нашего народа... Это очень большое и важное дело, в котором я – только пешка... Понимаешь масштаб? Винтовка должна вернуться...

⁶ На нарукавной эмблеме спецназа ГРУ изображена летучая мышь. «Летучие мыши» – спецназовцы.

Хамидрашид сразу обратил внимание, что подполковник Тамирханов назвал страну не Чечней, как полагалось бы менту, а Ичкерией, как полагается полковому командиру и даже простому боевику⁷. Для Хамидрашида для самого это было важно. Это было днями его прошлого, того прошлого, когда ему нравилась война, когда ему нравилось побеждать и когда республикой руководили не Кадыров и «кадыровцы».

– И какая конкретно ставится задача? – переспросил Хамидрашид.

– Я же ясно сказал... – Арслан Мовсарович даже рассердился на Дадашева за желание уточнить задачу. – Спецназовцев уничтожить... Самурая или захватить, или убить... Винтовку вместе со всеми приспособлениями вернуть мне!

– Какие могут быть приспособления у винтовки? – опять не понял Хамидрашид. В его представлении винтовка – это просто винтовка с оптическим прицелом на ней.

– Там много приспособлений... Там три упаковки... Упаковки лучше не вскрывать, они могут взорваться, если не знаешь код... Все три упаковки следует передать мне. Вознаграждение – сто тысяч баксов... Там, у них, уже есть сто тысяч баксов... Они из машины украли... Это твоя законная добыча... Я плачу еще сто тысяч баксов...

– Это, Арслан Мовсарович, совсем другое дело... – сразу повеселел Хамидрашид. – С этого и следовало начинать, потому что мои люди могут спросить, за что мы идем воевать... Где нам искать спецназовцев?

– По моим предположениям, они должны пройти рядом с тобой... – голос Арслана Мовсаровича изменился.

– Вы знаете, где я нахожусь?

– Если бы не знал, не обратился бы к тебе... Я почти всегда знал, где ты находишься и чем занимаешься. Служба у меня такая... И не будь ты сыном моего друга... сам понимаешь... Значит, так... Машину они оставили на дороге... Рядом с ручьем, что впадает в Хулхулау... Знаешь этот ручей? С небольшим водопадом на середине склона...

– Знаю... Там с дороги легко съехать прямо к ручью... Чуть выше по течению густые кусты, чуть дальше деревья... Легко даже танк спрятать...

– Там они машину и оставили... Наш вертолет недалеко пролетал, сверху машину видел, не поленился снизиться, номер машины рассмотреть... Мне доложили... Это их машина, больше некому там машину оставить... Ее надо взорвать, чтобы они лишились транспорта... И как можно быстрее...

– Вместе с ними?

– Что – вместе с ними?

– Взорвать...

– Нет... Какой ты стал непонятливый! Взрыв может повредить винтовку... Взорвать до их прихода... Можно даже на глазах у них, чтобы они раньше времени, услышав взрыв, не свернули в сторону, но так, чтобы не повредить груз, что они несут... И вообще... С гранатами тоже не усердствуй... Груз – это главное... Без него, целого и сохранного, о вознаграждении даже говорить не будем...

– Это веская причина, чтобы гранаты с собой не таскать...

– Еще дельный совет... У тебя снайпер есть?

– Снайпера убили... Винтовка осталась... Сейчас парень натаскивается...

– Поставь этого парня искать капитана... Группа подойдет, пусть первым снайпер стреляет... В капитана Самурая... По ногам... Без него вся группа будет бессильна... Они не знают, что с винтовкой делать... И не давайте капитана унести... Это дело снайпера...

⁷ Ичкерийцами традиционно звали горных чеченцев, представляющих те районы, где есть горы. Горные чеченцы на протяжении многих веков большей частью занимались разбоем, чтобы прокормить свои семьи. Долинные чеченцы и ингуши, также входящие в народ вайнахов, по своему образу жизни всегда были больше склонны к торговле, чем к войне. Но быть ичкерийцем считалось почетно.

– Легко сказать... Как он капитана определит? Лицо, даже если знаешь человека в лицо, в прицел не всегда рассмотришь...

– Тебя и этому учить надо... Офицеры всегда с пистолетом... Все с автоматами, а офицеры с пистолетом...

– В спецназе ГРУ все с автоматами...

– Но кобура у офицера все равно есть...

– Арслан Мовсарович... Теперь мне приходится вас учить... Кобуру офицеры спецназа ГРУ носили только в первую войну... Мы отучили их от этого... Снайперы отучили... Они давно уже носят пистолет в кармане...

– Все равно, пусть снайпер поищет...

– Он попробует... Только это трудно...

– Выступай без промедления... У тебя есть в запасе два-три часа... Но спецназ ходит быстро... Может время сократить...

– Мои ребята никакому спецназу не уступят, стоит им только деньги пообещать...

– Я на тебя надеюсь больше, чем на других... Будут новости или нужда возникнет – сразу звони. Я и подстрахую, и посоветовать смогу...

– Вопрос по существу... Подмога к ним подойти может?

– У них нет связи... Они вчера кодограмму с моего телефона отправляли...

– Тогда они не вернутся на базу. Это я обещаю...

* * *

– Подъем! Выступаем... – негромко скомандовал Хамидрашид с порога землянки. – Дукваха, вторую землянку поднимай... Кто желает пять тысяч баксов заработать, соберется быстро... Отставших расстреливать не буду, но не буду и ждать, чтобы другим больше досталось... Полное вооружение, патронов побольше, гранат много не брать, чтобы не утяжеляться, минимум поклажи... Ходить придется много и быстро...

– Сюда возвращаться будем? – поинтересовался Трехглазый Муса.

– Кто жив останется... Надеюсь... Я тоже кое-что здесь оставляю... – Хамидрашид собирался быстрее всех.

– Мне что брать? – спросил Мовсар Копченый. Он всегда спрашивал, потому что его груз обычно бывал специфическим и должен был отвечать обстановке.

– Одну машину нам предстоит взорвать... На всякий случай, возьми еще несколько шашек... Вдруг сгодятся, когда отходить будем... И несколько гранат... Разрешается только тебе... остальным гранаты не надо... Гранаты только для «растяжек»...

– Не на дорогу идем? – переспросил Муса.

– Другое задание...

– Я понял... – Муса почесал «третий глаз». – Если есть оплата, значит, что-то новое...

– Вторая землянка готова... – вернувшись, сообщил Дукваха.

– Выступаем... Идем в темпе, дорога не дальняя...

* * *

Дорогу до ручья даже по карте рассматривать не было необходимости. Хамидрашид шел первым и уверенно вел группу. При этом даже не всегда тропы придерживался, срезая углы, будучи уверенным, что правильно выйдет. И выходил правильно. Ориентироваться там, где никаких ориентиров не было, эмир Дадашев умел хорошо, это было, видимо, у него в крови...

Глава 2

1. НЕ ОТПУСТИТЬ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ...

Преимущество Самурая заключалось в том, что он в общих чертах знал, кто работает против спецназовцев, тогда как противники не подозревали о его знании. Более того, капитан Рудаков знал даже отдельных конкретных лиц и накануне не побоялся умышленно «засветиться» перед своим потенциальным противником, заехав в райцентр, чтобы переброситься парой фраз именно с ним, с начальником райотдела милиции подполковником Тамирхановым; о цели своей поездки он, естественно, докладывать не стал. Все буднично, вроде бы мимолетная встреча знакомых офицеров, которой не стоит придавать значения, и в ответ на прямой, не слишком вежливый вопрос последовал ленивый ответ:

– Так... С осведомителем встретиться надо... И еще... У меня радииста с собой нет, а надо кодограмму сбросить... С вашего телефона, если не возражаете... Шесть пятизначных групп, и все...

Подполковник не возражал. Но он узнал, что у капитана Рудакова нет связи с командованием. Это потом будет для Тамирханова важно. И про осведомителя он не спросил. Ни один уважающий себя милиционер не будет спрашивать про осведомителя, потому что знает – ответом будет усмешка. Своих осведомителей не только спецназ ГРУ не афиширует... Даже менты портреты своих осведомителей в газетах, как правило, не всегда печатают...

Тем не менее подполковник Самураю не поверил. Это капитан по глазам увидел. Тамирханов должен был сообразить, что на встречу с осведомителем не отправляются такой большой компанией, да еще на заметном тентированном грузовике... А если не поверил, значит, капитан Рудаков своей цели достиг. Он очень хотел, чтобы подполковник ему не поверил...

Но капитану Рудакову еще надо было, чтобы подполковник не помешал, и именно потому грузовик поехал в сторону, противоположную той, в которую следовало ехать, и только вне зоны видимости развернулся и через открытое пространство переехал на другую дорогу. Таким образом и Тамирханова в недоумении оставили, и след запутали, но потом Тамирханов обязательно все вспомнит и поймет, что его в дураках оставили. Теперь главное дело было за вертолетом, чтобы пилот не подвел. Но пилота должны были тщательно проинструктировать. Пилот милиционеров возит, но сам – армейский, свой, проверенный... Пилоту следовало заметить машину издали, сверху, и поинтересоваться, что это за машина в кустах спрятана. И внимание подчиненных Тамирханова привлечь...

Самурай знал Тамирханова раньше. Не так, чтобы хорошо, но доводилось встречаться во время операции по блокировке засевших в частном доме боевиков. Тогда милиционеры сами ничего сделать не смогли, несмотря на наличие двух БТРов. Поговаривали, что у боевиков есть РГД-7, и подставлять БТР под противотанковый гранатомет подполковник не рискнул. Боевики тогда забрались в подвал здания и отстреливались через узкие вентиляционные люки. Прибывшая вместе со спецназом ГРУ боевая машина пехоты быстро разворотила из автоматической пушки слабую кирпичную кладку и погасила огневые точки. Потом последовал выстрел из подствольного гранатомета подошедшим из «мертвой зоны» спецназовцем. Граната влетела прямо в вентиляционное окошко. После этого в подвале никого в живых остаться не могло...

Операцию, естественно, записали на счет местных милиционеров. Так всегда бывает...

* * *

Тропа, конечно, утомляла, потому что всегда приходилось идти вдоль склона, опираясь на какую-то одну ногу, поскольку сама тропа была малохоженная и наклонная в своей боковой поверхности. В общем-то здесь и не было настоящей тропы, просто чуть-чуть протоптано направление движения. Слегка обижало и то, что не было сразу организованного преследования. Наверное, когда замыкающая колонну машина прибыла на место расстрела двух других машин, преследование пытались организовать даже слабыми силами, что были в наличии. Но спецназ не успел далеко уйти. И всем хорошо было слышно, как взорвалась граната, оставленная Самураем на тропе под неустойчивым камнем. Теоретически, на камень могла и птичка сесть... И от веса птички камень тоже мог упасть... Но птиц здесь мало, а камней много, и надо обладать большим воображением, чтобы допустить – птица выбрала именно этот камень. Самурай не допускал. Он понял, что на гранате подорвались те, кто попытался преследовать. Скорее всего преследование на этом и закончилось, потому что минимум два человека, учитывая узость и крутизну тропы, должны были бы пострадать. В машине могло быть и четыре человека, и пять... Пострадал тот, что первым пошел и уронил камень, и идущий за ним – непременно. Могло слегка зацепить осколками и идущих сзади, но у РГ-5 радиус разброса легких осколков невелик, и на дистанции в пять метров ранение таким осколком можно рассматривать как небольшую царапину. А оставлять на тропе более мощную Ф-1 Самурай не стал, потому что тогда может оказаться некому сообщить подполковнику Тамирханову о случившемся. Ф-1, взорвавшаяся на высоте склона, в состоянии «похоронить» всех, кто ниже идет по той же тропе. Этого капитану Рудакову не хотелось...

Но сообщить уже должны были бы. И Тамирханов должен организовать преследование. Его силы, в принципе, известны. Подполковник и вертолет мог бы использовать, но вертолет уже улетел. Кроме того, посвящать пилотов в свои дела подполковник не рискнул бы. Скорее всего он будет обходиться только своими силами. Милиции... Может, конечно, рискнуть и привлечь местных боевиков, если имеет на них выход. Даже не так... Выход-то подполковник имеет точно... Так данные разведки говорят... Но имеет ли он с ними оперативную связь, вот в чем вопрос... И машина... Подполковник должен быть обеспокоен возможностью капитана Рудакова уехать на машине. Первое, что он должен сделать – это угнать или уничтожить машину...

* * *

Шли быстро, потому что иначе ходить не умели. Кроме того, если в горах идти медленным маршем, быстро устанешь. А силы нужно распределить не только на сравнительно небольшой бросок к оставленной машине, которой, скорее всего, на месте уже не застать, но и на последующие дни. На многие последующие дни, когда придется совершать и быстрые маневры, и затяжные марши. За два часа устать толком не успели, только втянулись в однообразную работу. И целых два часа ни одного намека на преследование. Преследователи оказались слишком неповоротливыми и медлительными. Капитан Рудаков начал бояться, что преследователи просто потеряют их. Мало ли, не в ту сторону свернули... А потом попробуй догони... Пришлось сделать привал, чтобы дать им возможность приблизиться. Естественно, и охранение выставили...

Вообще-то обвинять милиционеров в неумении вести преследование было бы наивно. Конечно, и вне сомнения, они не смогут сравниться со спецназом ГРУ в умении ходить по маршруту. Ни один другой спецназ сравниться не может, а уж милиционеры-то тем более никогда... Боевики более тренированы, чем они... Приходится поджидать их...

Пожалуй, исходя из привычек роты, выработанных в многочасовых тренировках, до привала можно было бы еще и час прошагать, и два. Но в этом случае капитан Рудаков опасался вообще потерять преследователей, которых ему хотелось держать под контролем. Такой расклад совсем не входил в планы капитана. И потому было решено устроить ранний привал. На привале заодно и рацию можно было развернуть, поскольку преследования еще нет и некому заметить, что группа все же обладает связью с разведуправлением РОШа⁸. Для этой конкретной операции была выделена резервная волна, из опасения, что милиционеры могут знать другие волны и прослушивать их.

Самурай в телефонном режиме связи доложил о первых результатах и поинтересовался, выступили ли другие группы. Другие группы выступили. И одновременно Самурай получил приказ не слишком спешить на марше. Разведуправление прослушивало все связи подполковника Тамирханова. Тот разворачивает преследование неумело. Одновременно перекрывает дорогу на север. Надо преследования дожидаться и дать ему возможность «прилипнуть». И идти на юг...

Слушающий разговор младший сержант-радист удивленно посмотрел на командира роты. Ему такие переговоры были непонятны. Согласно логике, группа должна как можно быстрее убегать от преследования, а не ждать, когда ей «на хвост» наступят.

– А почему нам отрываться нельзя? – не выдержал младший сержант и задал вопрос, который давно вертелся у него на языке. – Догонят, мало не покажется...

– Кому? – не понял Самурай.

– Нам, естественно...

– А им? – ответил командир роты так, как и полагалось отвечать солдату, чтобы тот уверенность в своих силах не потерял. – Им сначала мало не показалось? Так-то...

Радист только плечами пожал.

Конечно, в такой рейд следовало бы взять радиста из прапорщиков. Прапорщик, по крайней мере, не будет с солдатами информацией и сомнениями делиться. Но перед выходом свободного радиста-прапорщика не оказалось. Пришлось младшим сержантом довольствоваться. Но и этот службу знает, и знает, что служебные тайны нужно хранить.

– Сворачивай рацию...

Хорошо хоть снайпер достался из прапорщиков... Пока командир был занят разговором с радистом, снайпер Родионов вместе с минером колдовали над замками самой большой упаковки. Самурай подошел.

– Что скажете?

– Заряд там, кажется, есть... – объяснил минер. – По крайней мере, что-то в корпусе коробки прослушивается. Я простучал потихонечку... Вокруг замка дополнительная коробка с какой-то начинкой. Но пока еще замок на код не закрыт, только на защелку, и взрывное устройство не на взводе. Нам такие устройства еще в учебке показывали... Взрыватель замыкает контакт на аккумулятор, когда набирается неверный код, и открывается защелка... Если код не выставлен или набран правильно, замыкания контакта не произойдет... Мне кажется, посмотреть стоит...

– Опасность? – спросил Самурай.

– Есть, конечно... Мало ли, хитрости... Но маловероятно... Оборудование стандартное...

– Открывай... – разрешил капитан.

– Всем отойти... – распорядился минер.

Площадка безопасности быстро очистилась. В том числе и сам Самурай отошел на безопасное расстояние. Минер открывал коробку осторожно, готовый отпрыгнуть в случае

⁸ РОШ – региональный оперативный штаб по проведению антитеррористической операции на Северном Кавказе.

какого-то подозрительного щелчка. Но все обошлось. Крышка легко поднялась. И первым рядом с минером оказался прапорщик Родионов, сразу доставивший винтовку без ствола.

– Взрыватели могут быть и в других коробках... – Минер говорил спокойно и негромко.

– Отойти! – теперь командовал Самурай.

Вторая и третья коробки тоже были открыты без проблем. В большой коробке нашлись ствол и глушитель. В меньшей – различные приборы и запас патронов.

– Руки попрошу убрать... – распорядился прапорщик Родионов, знающий, что может случиться с тонкими приборами, если они попадут в руки любопытного.

– Всё соберешь? – поинтересовался капитан Рудаков.

– Отчего ж не собрать... Обычное дело...

Сбор винтовки не занял много времени. Для каждого из приборов, значение которых не только солдаты, но даже командир роты не понимали, нашлись гнезда на корпусе винтовки. Прапорщик устанавливал их и сразу соединял проводку с панелью. Ошибиться при соединении было невозможно, потому что каждый провод имел собственную систему соединения, не похожую одна на другую матрицы и пуансоны. Но включать и рассматривать приборы снайпер не спешил. В малой коробке оказалось несколько коробочек с патронами. Патроны вызвали долгое раздумье у прапорщика.

– Саня, проблемы? – поинтересовался Самурай.

– Просто любопытство... – тихо сказал Родионов. – Два вида патронов. Одни я уже видел... Поверхностное напыление дисульфида молибдена, чтобы снизить трение о воздух. Существенно повышает баллистические показатели пули... Наши таких пуль не делают, в трофейном оружии иногда встречаются... Вторые интереснее... Я впервые их вижу, хотя читал про них... – Прапорщик поднял перед лицом патрон, показывая его. – Дорогие пули... Просто так их не расходуют... Их называют «умной пулей», «управляемой пулей» и еще как-то... Вот этот керамический наконечник, – он пошевелил пальцем кончик пули, – изменяет траекторию по сигналу лазерного луча. Лазерный луч не подвержен влиянию ветра и какого-нибудь магнитного поля... Пуля, даже при своей скорости, особенно, когда переходит на инфразвуковую скорость, подвержена этим влияниям... Лазер корректирует ее... Для «дальнобойки» это важно...

– Освоить сможешь? – поинтересовался Самурай.

– Обычное дело... – прапорщик Родионов в своем умении не сомневался. – Приборы только гляну... Да, принцип у всех подобных винтовок одинаков...

– И у наших? – спросил старший сержант Колосков.

– И у наших был бы такой же принцип, если бы у нас такие винтовки делали... – согласился Родионов, проверив сенсорные кнопки приборов и приложив прицел к глазу... – Интересная система... Вот этого у нас пока нет, но вскоре предвидится...

– Что? – Самурай присел рядом на корточки.

– Портативная метеостанция через трубку спутниковой связи соединена с метеорологическим спутником GPS. Показания даются сразу на оптический прибор. Вот здесь, справа, под большой палец, кнопка включения баллистического калькулятора, который сразу принимает данные от собственной метеостанции, сверяет их с данными метеоспутника, вносит поправку, сверяет данные с лазерным дальномером и в автоматическом режиме регулирует прицельную планку. Вот это только не пойму... Не встречал такого...

– Что? – опять спросил Самурай.

– На дисплее оптики дополнительная графа. Сейчас в выключенном состоянии... Не знаю... Ладно, разберемся...

Снайпер снял короткий рожок-обойму и вставил в него шесть патронов. Рожок вернул в крепление и снова поднес прицел к глазу.

– Понял... Молодцы какие... Как удобно сделали... Это автоматическое определение патрона... Похоже, винтовка рассчитана только на какие-то определенные виды патронов, и все... Все... Можно стрелять...

– И какая дистанция? – этот вопрос очень интересовал командира роты.

– Прицельная планка рассчитана на три с половиной тысячи метров...

– Такого не бывает... – невольно вырвалось у Самурая.

– Обычное дело... – сохранял спокойствие прапорщик. – Техника прогрессирует... С такой планкой, по крайней мере, с трех тысяч, думаю, можно попробовать... Не было бы смысла такую планку ставить... Лишний ресурс сбивает точность прицела... Это как в автомобиле... Можно сделать двадцатицилиндровый двигатель, но машине будет его не под силу носить...

* * *

Капитан Рудаков во время отдыха группы ждал все же сигнала от постов. Но сигнала не последовало. Самурай до последнего оттягивал выступление, но выступать было нужно, и он дал команду:

– Подъем! Направление прежнее...

Группа двинулась в том же порядке, выставив охранение по сторонам и сзади, выслав вперед дозор из двух человек. Но капитан все же не удержался и опять выставил в узком месте тропы «растяжку», а в полуметре от «растяжки» «посадил» рядом с камнем, о который никто не захочет споткнуться, «картошку»⁹.

Теперь прапорщик Родионов, передав свой «винторез» на сохранение одному из бойцов первого отделения, постоянно забежал то в одну сторону на возвышенность, то в другую, чтобы посмотреть в оптику и вперед, и назад. Мощный «тепловизор» дальнобойной винтовки позволял снайперу заметить все живое, несмотря на кусты и деревья.

Прапорщик первым и подал сигнал тревоги, но и этот сигнал подал своеобразно:

– Командир, новую винтовку испытать можно? – спросил он через «подснежник».

– Докладывай...

Родионов стоял на одном колене на пригорке, похожий в своем обмундировании на куст неведомого растения, и рассматривал что-то оставшееся позади.

– Группа из двенадцати человек. В сером камуфляже... В черных бронежилетах... На месте нашей последней стоянки...

– Менты? – по форме одежды понял Самурай.

– Похоже...

– Торопятся?

– Решают, по какой тропе мы пошли... Разделяются... Шесть человек идут за нами, шесть в сторону сворачивают... Кого они там искать собираются?

– Там тропа к большой пещере... – объяснил капитан. – Заберутся повыше, там прямо в склоне горы пещера есть со множеством выходов. Там большая банда раньше базировалась. Мы ее четыре года назад ликвидировали... Кого тебе лучше видно?

Прапорщик Родионов повел винтовкой вправо и влево.

– Наша тропа скоро под склон нырнет... Правая группа скоро выше нас заберется...

– Дистанция какая?

⁹ «Картошка», «сажать картошку» – граната с сорванным кольцом вдавливается в землю так, чтобы рычаг оставался зафиксированным землей. Если кто-то наступит на такую «картошку», сдвинет ее с места и освободит рычаг. Часто выставляется вместе с «растяжкой». Если кто-то заметит «растяжку», переступая через нее, он концентрирует внимание на шнуре, и мало обращает внимания при перешагивании на то, что впереди. В итоге наступает на «картошку».

- Тысяча шестнадцать метров напрямую до первой группы... Обидно, что не дальше...
- Они друг друга видят?
- Через минуту видеть не будут...

Горы донесли слабый звук взрыва.

– «Растяжка» сработала... – доложил прапорщик. – На нашей тропе четверо остались... На правой тропе взрывом обеспокоены. Остановились...

– Снимай самого красивого, кто больше понравится... Справа... – распорядился Самурай.

Выстрел последовал не сразу. После разговора снайперу требовались несколько секунд, чтобы восстановить дыхание, и еще несколько секунд, чтобы сбалансировать тяжелый и длинный ствол. Мощный глушитель сработал на «отлично» – звук был очень слабым, заметно слабее, чем у привычного «винтореза», хотя крупный калибр обещал вроде бы громкий звук.

– Нет... Надо с ножек стрелять... – сказал прапорщик. – Ствол болтает... Не в тот глаз, понимаешь, попал...

Он, кажется, расстроился из-за своей оплошности.

– Что они? – поинтересовался реакцией преследователей Самурай.

– Не сразу среагировали... Я бы еще одного, может, успел снять... Хотя отдача сильная, прицел сбивает... Если говорить о скорострельности, то с «винтореза» можно стрелять быстрее... Сейчас залегли... Переползают за камни... Хорошо ползут... Задницы, как флаги, торчат... Можно, командир?

– Работай...

На подготовку ко второму выстрелу времени ушло меньше. Выстрел прозвучал так же аккуратно. Со стороны или издали вообще было бы трудно по звуку определить такого стрелка.

– Там у них снайпер полз... Я ему винтовку разбил... СВД¹⁰...

– Что они?..

– Сползают. Идут на соединение с первыми...

– Значит, «растяжку» я поставил не зря... Все пойдут за нами... – решил Самурай.

– Будет и мне работа... А они теперь без винтовки... Пусть снайпер из пистолета стреляет...

* * *

– Вперед! Считаем шаги...

Чтобы марш не казался слишком утомительным и отвлекалось внимание от самого процесса передвижения, капитан Рудаков учил своих подчиненных считать шаги до тысячи, потом начинать снова. Знал по опыту, что сначала удастся раза три-четыре до тысячи сосчитать, потом начинаешь считать уже машинально, забываешься и ловишь себя на том, что сбился, и уже за вторую тысячу перевалил. Начинаешь считать снова. Почему-то так километры пути всегда давались легче.

Марш продолжался почти в том же темпе. Разве что чуть-чуть медленнее пошли, но это естественно, потому что тропа стала заметно круче. А вскоре предстояло идти еще медленнее – там, впереди, лежал такой же крутой спуск. Спускаться всегда сложнее, чем подниматься. При подъеме только ноги устают и дыхание нарушается. А при спуске при каждом шаге смотришь, куда ногу поставить. Не туда поставишь, и уже не будет надобности беспокоиться о дыхании, потому что дышать перестанешь совсем...

¹⁰ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

И этот марш выдался одним из тех редких, когда Самураю не приходилось подгонять подчиненных. Ему самому хотелось, чтобы они шли медленнее и предоставили возможность погоне догнать их или хотя бы сократить дистанцию.

Снайпер прапорщик Родионов по-прежнему старался контролировать ситуацию вокруг, а не только позади. И ему доставалось на марше больше, потому что после задержки необходимо было догнать общую группу, ведь не группа же должна была его ждать. А постоянное отставание и последующее стремление догнать сильно сбивало дыхание. Но у Родионова была соответствующая подготовка, с которой солдаты равняться не могли. А сам он, понимая собственную задачу, терпел, к тому же радость от новой винтовки и желание использовать ее уже сейчас, пусть даже больше как наблюдательный прибор, помогали прапорщику в минуты усталости...

* * *

Второй привал еще через два часа, когда уже поднялись до основного и господствующего над окрестностями перевала, был значительно длиннее первого. Преодолели уже две трети пути. И ноги устали уже у всех без исключения, включая командира роты. Всем необходимо было восстановить силы. Кроме, как казалось, прапорщика Родионова. У прапорщика руки подрагивали, когда он гладил рабочий механизм винтовки. Оружие он, похоже, любил больше чем жену, которая недавно, как знал Самурай, от него ушла. Не к другому, а просто к матери, чем-то недовольная. Но Родионова, как командиру роты показалось, это сильно не расстраивало. По крайней мере, он никак этого не показывал. Вот отними у него сейчас эту винтовку, он руки на себя наложить будет готов. Взгляд прапорщика говорил об этом красноречиво. И Самураю, когда они вернутся с этой сложной операции, предстоит решить нелегкую задачу и оставить винтовку в роте – естественно, как персональное оружие прапорщика Родионова...

И на втором привале, как и на первом, прапорщик не пожелал отдыхать. Он не чувствовал в ногах усталости. Когда нервничаешь – усталости не чувствуешь.

Прапорщик осмотрелся и выбрал для себя скалу, возвышающуюся над проходимыми окрестностями. То, что выше перевала – это проходимо только для опытных скалолазов, даже не для простых альпинистов. И там никого быть не может. А вот все, что можно рассмотреть интересного, можно рассмотреть со скалы.

Родионов поправил около рта микрофон «подснежника».

– Командир, я сверху окрестности обзору... На случай непредвиденных обстоятельств...

Самурай видел настроение прапорщика и сдерживать его не стал.

– Гони, Санек... Приказ один – без согласования мишень не выбирать...

– Все согласую, до последней пуговицы... – Прапорщик уже лез на скалу. – Хочу вторые патроны попробовать. По идее, «управляемая пуля» за счет своей керамической головки может действовать, как разрывная. Это следует проверить...

2. НЕ ОТПУСТИТЬ ПРЕСЛЕДУЕМОГО...

Эмир Хамидрашид Дадашев вел свой джамаат давно известными ему тропами и в передовой дозор выставил только одного человека – Трехглазого Мусу, дав ему наставления относительно темпа, который эмир выберет для всего джамаата. Муса в самом деле видел все вокруг так, словно имел третий глаз: ни человек, ни зверь не могли от него уйти незамеченными. Но здесь, в этих местах, по сути дела, и опасаться было нечего.

Кроме того, на таком коротком отрезке пути не было необходимости и в смене ведущего, что практикуется обычно в дальних переходах, особенно в зимних, когда следует тропу торить. А в том, что он сможет придерживаться выбранного темпа, Хамидрашид не сомневался. Сил и выносливости у него было, может быть, больше, чем у всех остальных бойцов его джамаата, вместе взятых.

Так и шли, минуя подъемы и спуски, обходя чащобы, пока не вышли к разбитой старой дороге, на которой движения практически не было уже лет двадцать. Осмотрелись и по обочине дошли до мостика через ручей. Эмир указал рукой направление, где следует искать машину. Но это была несложная задача, потому что следы на траве отчетливо показывали, в каком направлении вести поиск. Даже не поиск, а куда следует пойти, чтобы найти...

На всякий случай, осмотрев машину, отошли в сторону, предоставив место для работы Мовсару Копченому. Копченный со своим небезопасным делом справился быстро и хорошо. Специалист он был опытный. Взрыватели установили дистанционный, работающий с пульта, и только после этого Хамидрашид стал подбирать позицию для каждого бойца джамаата по отдельности. Расставил так, чтобы охватить как можно более обширный участок. Спецназ мог прийти только с одной стороны – с гор. Тропы здесь было две, но обе они сходились к зимнему перекату, перейдя через который можно выбраться на дорогу. Задача не казалась слишком сложной. Запустить спецназ на открытое место между горами и кустами, скрывающими машину. И отрезать от того и от другого. А потом спокойно расстреливать, потому что противнику спрятаться будет просто негде...

– Главное, помните... Я хочу заработать и вы хотите заработать... Деньги получите тогда, когда передадите заказчику с рук на руки три пластиковые упаковки в целости и сохранности... О чем это говорит? Это говорит о том, что стрелять должны аккуратно, прицельно, и не повредить упаковки... Если они будут повреждены, денег вам не видать... Упаковки большие, заметные... Поэтому особо заостряю внимание на выборочности стрельбы... Пулеметчикам быть предельно осторожными... Еще... У кого-то, скорее всего у командира спецназовцев, которого зовут Самурай, есть при себе сто тысяч баксов. Деньги поддельные, предупреждаю. Я забираю их себе, чтобы поменять на настоящие. Уже договорился. Мне обещали дать за сто тысяч сорок тысяч настоящих. Я надеюсь выторговать пятьдесят... Те деньги тоже поделим... Зимой в Грузии они нам очень даже пригодятся... И мне, и вам... На такие деньги можно жить... Кто в Грузию не пойдет, семье что-то купить сможет...

И только перед тем, как всем по местам разойтись, эмир еще одно указание Арслана Мовсаровича вспомнил. И сказал:

– Еще... Против спецназа многие в районе выступили... Может быть, такие же парни, как мы, появятся... Может быть, даже менты... Не стрелять без моего приказа. Если только спецназ, другие федералы или «кадыровцы»... И с другими, и даже с ментами у нас перемирие... Это все... По постам, и смотреть в три глаза, как Муса...

Мусе, естественно, был отведен самый ответственный участок. Он засел впереди, в кустах, откуда обе тропы, ведущие с гор, хорошо видны. Правда, не целиком, только отдельными участками. Но это даже лучше, потому что с тропы тоже видно хорошо, что внизу дела-

ется. И Муса имеет возможность пропустить спецназ по тропе в зоне видимости, а потом перебежать к командиру с предупреждением раньше, чем новая зона видимости откроется...

* * *

Ожидание тянулось долго... Настолько долго, что у Хамидрашида даже веки стали на жарком солнце слипаться. Он минувшей ночью плохо спал, какие-то неприятные сны донимали, часто просыпался и потом снова уснуть никак не мог. Вслушивался в частые крики ночных птиц. Не нравились эти крики... И из-за бессонницы решил посты проверить... Часовые на посту, слава Аллаху, как всегда, не дремали, это эмира успокоило, но сон все равно не пришел. И только под утро заснул...

Хотелось спать и сейчас. Но Хамидрашид хорошо знал, что именно этого ему делать нельзя. Может быть, кто-то другой и может себе такое позволить. Не на посту ведь. А здесь передовая роль Трехглазого Мусы все решит. Муса увидит, доложит эмиру, и после этого только последует команда. Проснуться и головой встряхнуть время есть. А вот Хамидрашид не имеет права показывать кому-то, что он уснул. Он даже минувшей ночью, когда посты проверял, на вопрос часового: «Отчего эмиру не спится?» – вынужден был ответить, что эмир потому и эмир, что за него другие спят. Свой авторитет следовало поддерживать. Особенно в такое беспокойное время, когда многие норовят лес покинуть и, не имея возможности сдать по амнистии, просто в подвале собственного дома прячутся и только ночью в комнаты выходят, чтобы в темноте побродить среди знакомой обстановки. Считают, что такая жизнь лучше, чем волчья жизнь затравленного лесного бродяги.

Но уходят от тех эмиров, которых не уважают... От тех эмиров, которые спят тогда, когда бодрствовать следует... Дадашев пока умеет держать своих парней в узде. Не слишком их прижимает, но и спуску не дает... И потому джамаат еще считается боеспособным...

* * *

Трехглазый Муса бежал через кусты, не прячась особо и даже не пригибаясь. Но бежал быстро и прямо к эмиру. Не видя близко противника, Хамидрашид даже приподнялся из своей огневой точки, чтобы быстрее услышать сообщение.

Муса запыхался от бега – вот что значит вредное пристрастие к курению... И пока он переводил дыхание, эмир смотрел за его плечи, туда, на склон. Но никого увидеть не смог.

– Шесть человек... – наконец сказал Муса, все же с трудом успокоив дыхание.

– Спецназ? – с удивлением переспросил Хамидрашид. – Разделились, что ли?

Это было бы очень невыгодно Хамидрашиду. Спецназ разделится, ищи потом по горам отдельные группы. И догадайся, у какой группы эта треклятая винтовка...

– Нет, не спецназ... Не знаю, кто... Камуфляж, бронежилеты... Но не спецназ... Спецназ так не ходит... Они сначала дозор выставляют... Пару человек... Эти толпой идут... За первым. В пяти шагах... Первый, как большой начальник, остальные за ним...

– Кто же? – спросил Дадашев, скорее самого себя, чем своего наблюдателя.

И поднял бинокль. Но бинокль у эмира был не очень сильный, и увидеть не удалось вообще никого. Ни на правой, ни на левой тропе.

– Где они? – потребовал он объяснений.

– Правая тропа... Сейчас из-за скалы выйдут... – Трехглазый, кажется, без бинокля видел лучше, чем Хамидрашид с биноклем, потому что прокомментировал в дополнение: – Ведущий заметно хромает... Может быть, эмир Имран?..

– Его нам и не хватало... – против воли вырвалось у Хамидрашида.

Хамидрашид снова поднял бинокль, и как раз вовремя, потому что из-за скалы на тропу вышли шесть человек. Один впереди, остальные чуть сзади. Передний заметно хромал. Бинокль был все-таки слишком слабым, чтобы с полной уверенностью определить личность хромающего человека, но эмиру показалось, что он узнал знакомую фигуру эмира Имрана Саидулюкаева, своего давнего недруга и соперника за влияние в районе. Саидулюкаев был от рождения хромым, что не мешало ему слыть чрезвычайно сильным физически человеком. Мало силы было в ногах, но руками, поговаривали, он мог человека надвое разорвать. Это, конечно, было преувеличением: Хамидрашид, как бывший хороший борец, мастер спорта, сам был человеком неслабым и мог представить себе возможности других людей, даже очень сильных физически, и у него рассказы о силе Саидулюкаева вызывали слегка надменную улыбку. Тем не менее слава шла впереди хромого эмира Имрана, и простые люди часто повторяли рассказы о страшном проявлении этой силы. А силу простые люди издревле уважают...

Встретить здесь, при таком важном и выгодном деле, Имрана очень не хотелось бы, потому что эмир Саидулюкаев мог прийти сюда только с одной целью – перехватить у джамаата Хамидрашида Дадашева не просто славу, но и большие деньги. Саидулюкаев слыл человеком жадным и ради денег идущим на все. Об этом человеческая молва тоже говорила часто.

– Мне кажется, что это он... Не нашелся еще добрый человек, который обломал бы ему вторую ногу... Спешит перехватить наши деньги...

– Мы и обломаем, чтобы не спешил... – уверенно сказал Трехглазый Муса. – За хорошие деньги я сам готов ему и руки заодно обломать... Те самые, про которые сказки говорят...

– Нам запретили воевать со своими... Нам запретили даже с ментами воевать... Мы сейчас общее дело делаем... Важное дело... – сказал Хамидрашид, но сказал неуверенно, потому что сомневался в самом Саидулюкаеве. Тот вполне мог и в спину выстрелить...

– Но себя тоже побережь хочется... – сказал из-за соседнего куста, где определил ему место сам эмир, Дукваха. – Если Имран мне шею сломает, а он, говорят, здорово это умеет делать, кто будет моих детей кормить... Их же у меня четверо, эмир... И пятый через три месяца родится... Говорят, девочка будет... Мне невесту воспитать надо после четырех пацанов...

– Я всегда предпочитаю начинать первым... – добавил Трехглазый. – Первый чаще выигрывает... А сейчас мы играть будем на собственную жизнь... Их шестеро, нас восемь... Каждый по разу выстрелит первым, и больше стрелять уже не придется... И шея у Дуквахи болеть не будет... С больной шеей трудно невесту воспитывать...

– Ох как вчера болела... Ой как чувствовала что-то... – поддакнул Дукваха посмеиваясь.

– Короче говоря, так... – принял наконец-то решение Хамидрашид. – Я сначала поговорю с самим Имраном. Вы все будьте наготове... Муса, обойди всех, предупреди, чтобы мне не кричать... Без моей команды ничего не предпринимать, но всех бойцов Имрана разобрать... Чтобы никто без внимания не остался...

Муса оглянулся на тропу.

– Мне кажется, это он...

Хамидрашид опять поднял к глазам бинокль.

– По крайней мере, сильно на него смахивает... Да, я походку узнаю...

* * *

– Мне сказал Тамирханов, что ты здесь... – Эмир Имран из-за своей ноги долго корячился, чтобы присесть на камень напротив Хамидрашида.

Он подошел смело, без сомнений, и сам Хамидрашид догадался без предупреждения, что Имран знает положение вещей. Но люди Саидулюкаева повели себя не так, как полагалось бы. Они сразу по кругу вокруг двух эмиров разобрались, словно охраняя место переговоров. Встали, вроде бы к эмирам лицом, но смотрели не на двух полевых командиров, а за плечи стоящих напротив. Понимали, что бойцы джамаата Дадашева тоже распределились по кругу, но шире, и, скорее всего, держат их под прицелом. Но, таким образом, они и «лицо сохраняли», и безопасность обеспечивали, хотя о полной безопасности речи быть не могло. Эмир Саидулюкаев прекрасно знал, что у него бойцов меньше, чем у Хамидрашида. Но сам Хамидрашид, распределяя бойцов, все же и об общей безопасности не забыл, и оставил Трехглазого Мусу на прежнем месте – наблюдать за тропами, идущими с гор, следовало постоянно. Спецназовцы могли вот-вот появиться, и следовало успеть подготовить для них засаду, потому что без засады, в открытом бою, действовать против спецназовцев даже у двух джамаатов сил бы не хватило. И просто грех не воспользоваться местом, которое словно предлагает сделать здесь засаду. Уйти с открытой площадки никто не сможет. Если бы еще только автоматами спецназ встречали, часть смогла бы уйти. Но против четырех пулеметов ничего сделать невозможно... Спецназ обречен...

– Арслан Мовсарович решил, что я сам не справлюсь? – усмехнулся Хамидрашид.

– Ему неинтересны наши с тобой житейские проблемы. Ему свое дело сделать надо – винтовку вернуть... Без этой винтовки все его задумки срываются... А задумки эти и для всех нас хороши... И потому помочь бы надо...

– Мало ли на свете винтовок... – Хамидрашид попытался вывести у эмира Имрана информацию, которой сам не обладал. – Попросил бы, я достал бы ему другую, и не хуже...

– Других таких не бывает... – со знанием дела сказал Саидулюкаев, слегка радуясь и гордясь своим знанием вопроса. – Нет больше в мире винтовок, чтобы за три километра стреляла точно в спичечный коробок...

– Сама винтовка никогда не стреляет... – сказал Хамидрашид. – Нужен снайпер. А чтобы попасть в спичечный коробок с трех километров, нужен очень хороший снайпер, великий снайпер... У меня снайпера убили, винтовка осталась, из рук в руки переходит, а толку от этого... Хорошего снайпера нет, и от винтовки толку мало...

– Есть у Тамирханова такой снайпер. Его в Пакистане четыре года готовили. И специально для него винтовку делали... Чтобы с трех километров достать... Уже считали расстояние, вплоть до метра... Там три километра семьдесят два метра... Снайпер не должен промахнуться...

Хамидрашид знал, у эмира Имрана есть страсть к легкому хвастовству, и он умело пользовался этим, выводя на нужный разговор.

– С деревянным метром, что ли, по горам бегали... – сказал Хамидрашид подчеркнуто недоверчиво, не показывая, что названное расстояние ничего ему не говорит.

– Зачем с деревянным метром... Приборы есть... От сопки до моста через Хулхулау мерили... Ровно отмерили... Приборы есть специальные, дальномеры... Точно показывают... Лазером... Умные люди делали...

Итак, место, кажется, было определено. Скорее всего Саидулюкаев имел в виду мост в Автурах, соединяющий две половины села. Осталось выяснить пустяк – в кого стрелять должны. Для простого человека четыре года в Пакистане не будут готовить снайпера.

– А почему именно до моста? Может, стрелять в другом месте придется...

– Там перед мостом митинг будет... Через несколько дней... Ахматка придет, будет выступать... Потому Тамирханов так и торопится... Где потом Ахматку достанешь...

Вот теперь все встало на свои места. Значит, предметом покушения должен стать президент Чечни. На него многие «зуб точат» – не по роду власть взял... И те, кого он из леса не выпускает, и те, кому в городе тоже власти хочется, но взять ее пока не могут... И покушение на Кадырова никак не было противно эмиру Дадашеву, никак не шло вразрез с его желаниями и убеждениями. Ради такого дела стоило потрудиться. А если за это дело еще и платят, то вообще здорово...

Эмирам предстояло решить главный вопрос.

– Работать нам, значит, вместе предстоит... Это хорошо, потому что спецназовцев много и воевать они умеют... Давай еще сразу договоримся, чтобы не возникло потом проблем... Сколько Арслан Мовсарович обещал тебе заплатить?

Как только встал вопрос о деньгах, эмир Имран сразу насторожился. У него даже изменилось выражение лица, стало заостренным, лисьим.

– А тебе?

– За что? – переспросил Хамидрашид, сбивая таким вопросом собеседника с толку и намекая, что платить Тамирханов намерен не за одно только дело. Причем за каждое дело по-разному. И такое сообщение не могло не заинтересовать Саидулюкаева, потому что Имрану хорошо известны отношения Арслана Мовсаровича с отцом Хамидрашида, и он легко мог предположить, что у самого Хамидрашида отношения с подполковником милиции особые.

Саидулюкаев не сразу ответил. Наконец вынужден был сказать только то, что знал.

– За винтовку...

– Сотню тысяч... Не рублей, конечно...

– Мне обещал столько же...

– Если Аллах повернется к нам лицом... Если удача будет с нами и сегодня, как часто бывала раньше... Как мы будем делить эти деньги? Сумма одна, а джамаатов два... Договариваться лучше сразу, чтобы люди не смотрели друг на друга косо...

– Попролам... – неуверенно предложил эмир Саидулюкаев.

– У меня больше людей... – возразил Дадашев. – Следовательно, мой джамаат принесет больше пользы в бою... К тому же у меня четыре пулемета, а у тебя только один... Я могу закончить дело раньше, чем ты со своими людьми вступишь в него...

– Э-э... Слушай... Что нам мелочиться... – Имран лихорадочно искал возможность не прогадать и не мог сообразить, какие условия могут оказаться для него приемлемыми. Будь у него возможность, он с удовольствием избавился бы от соперника в таком важном меркантильном вопросе. Но сил у него явно не хватало, и вообще расклад был не на его стороне, потому что его люди стояли на виду у стволов людей Дадашева, а сами могли бы увидеть противника только тогда, когда те пожелают показаться. Конечно, кто-то уже показался, кого-то опытный взгляд бойцов уже определил. Но наверняка не всех. И обострять ситуацию сейчас было просто опасно.

– Ладно... – снизошел до милости Хамидрашид, прекрасно понимая, что творится в душе у Саидулюкаева. – Пусть пулеметы в стороне останутся... Делить будем по количеству людей. Это получится справедливо...

– Я согласен... – Саидулюкаеву такой расклад в самом деле показался милостью. Он недобро стрельнул глазами по сторонам и повторил севшим голосом. – Я согласен...

– Тогда переходим к главному. Предстоит бой. В бою командир должен быть один. Я уже подготовился и даже машину заминировал. Я расставляю твоих людей по местам, чтобы они вписались в общий план. Ты не возражаешь?

– Как ты хочешь все сделать? – поинтересовался все же Имран.

– Я хочу запустить спецназовцев на открытое место, чтобы им спрятаться некуда было... А на голой земле они долго не продержатся...

– Действуй...

* * *

Основные вопросы были решены... Эмиры посмотрели друг на друга твердо, и оба встали одновременно. Имран начал уже поворачиваться, чтобы сказать что-то своим людям, но сказать ничего не успел. Какая-то страшная сила вдруг швырнула его на землю, и его тело пролетело мимо эмира Дадашева. Причем тело было без головы... А то, что было головой, просто расколосось, разорвалось на ошметки и осколки...

Реакция у Хамидрашида была хорошая. Он понял все сразу и не стал ждать второго выстрела – упал на землю и перекатился за куст. Но люди Саидулюкаева поняли все по-своему. Автоматные очереди раздались так быстро, что стало ясно – оружие стояло не на предохранителях и боевики готовились к обострению ситуации. Они начали стрелять сразу – за спины своим товарищам, туда, куда смотрели. И только хорошая реакция спасла самого Хамидрашида, потому что его, неподготовленного к защите, застрелили бы первым.

Ответные очереди не заставили себя ждать. Они раздались одновременно с разных сторон. И все пятеро парней Имрана упали, как срубленные. Они и не пытались залечь, чтобы спастись. Они были уверены, что их убьют, но стремились перед смертью унести с собой и чужие жизни.

Все кончилось быстро...

– Что случилось? – первым встал и вышел из своего укрытия Ваха и поднял снайперскую винтовку, готовый стрелять в того, кто еще жив.

– Не вставать! – рявкнул Хамидрашид.

Но команда запоздала. Винтовка вдруг упала вместе с рукой Вахи, оторванной в плече, и сам он сначала попытался схватиться за несуществующую уже правую руку левой рукой, но тут же потерял сознание и упал.

– Не вставать... – повторил Хамидрашид. – Стреляет снайпер... Из той винтовки, за которой мы пришли... Трехглазый!

– Я здесь... – отозвался Муса.

– Где спецназовцы? Ты прозевал их...

– Нет спецназа... Нет их... Я хорошо смо...

Выстрела слышно не было, но слышно было, как Трехглазый Муса перевалился в кустах, ломая тонкие побеги.

– Три километра... – выдохнул, а не сказал Хамидрашид. – Три километра... И тепловизор... Всем! Осторожнее... Снайпер стреляет с трех километров... У него винтовка с тепловизором... Он видит нас сквозь кусты. Перебегать за камнями... По моей команде, все, разом... Ищем подходящие камни... Нашли? Вперед!

Перебежали за новые укрытия только четыре человека. И снайпер, наверное, поработал, да и пули боевиков эмира Имрана, которые начали стрелять первыми, могли кого-то достать...

– Мовсар! Копченный! – крикнул эмир из-за своего камня.

– Я! Здесь я... – отозвался подрывник.

– Взрывай машину... Поэффектней взрывай, чтобы спецназовцы почувствовали праздник, который их ожидает... Праздничный салют им устрой...

– Люблю салют... – из-за своего камня крикнул Дукваха. – Устрой салют, Копченный!

Прошла почти минута, потом Мовсар предупредил:

– Головы не поднимайте... Железяки сейчас дождем на головы посыплутся...

И сразу за этим грохнул мощный взрыв. Железяки, к счастью, на голову дождем не посыпались, но что-то все равно в разные стороны полетело. Скорее всего, осколки деревянного кузова «КамАЗа» и клочья брезентового тента.

Спецназовцам теперь не на чем было уехать из района...

Это был звучный ответ эмира Хамидрашида Дадашева на обстрел снайпера...

Сам эмир стиснул зубы. Он с самого детства был по характеру человеком неуступчивым и очень не любил признавать свое поражение. Даже раньше, когда занимался спортом, не любил признавать поражения и часто пререкался с судьями. И сейчас он не желал признавать, что для него все потеряно. Он знал, что пока хотя бы один человек из его джамата стоит на ногах и может держать автомат, что пока сам он на ногах и способен к боевым действиям, все еще можно повернуть с ног на голову и цели своей добиться. И еще злость охватывала и придавала ему сил. Пришли эти парни, и здесь, на его земле, его побеждают... Нет, смириться с таким положением вещей Хамидрашид не хотел и не мог... Он еще постарается доказать, чего стоит... Как это сделает – не знает, не видит пока пути, но что-то все равно предпримет...

Глава 3

1. ПОЩАДИ ВРАГА СВОЕГО...

Самурай прошелся между бойцами, отдыхающими на тесной травянистой площадке среди камней. Без цели прошелся, просто обстановку пожелал прощупать. В каждом лагере своя обстановка. Она и в разговорах чувствуется, и во взглядах солдат, в том, в какой позе они отдыхают. И командиру всегда необходимо знать эту обстановку, чтобы понимать, на что рассчитывать в сложной ситуации, способной возникнуть в любую минуту. Командиру дивизии необходимо знать настроение своей дивизии, командиру полка настроение в полку, и даже командиру такого небольшого по численности отряда, каким командовал капитан Рудаков сейчас, тоже необходимо было знать настроение в отряде. И даже особенно необходимо, потому что отряд этот находится в боевой обстановке, практически без поддержки со стороны своих сил, если не считать поддержкой оповещение, которое давалось через систему связи.

– Сеанс, товарищ капитан, проводить когда будем? – кстати поинтересовался радист, приподнимаясь при приближении капитана.

Вопрос был вызван, как понял Самурай, тем, что на прошлой стоянке сеанс связи проводился. Когда будет следующая стоянка – неизвестно. Следовательно, можно было бы и сейчас провести. Но пока такой надобности не возникло. Едва ли можно было надеяться на появление новостей за такой короткий промежуток времени.

– Скорее всего, ночью... – жестом остановил Самурай радиста, пытающегося подняться. – Отдыхай пока...

Радисту тоже необходимо отдохнуть. Он идет с дополнительным грузом – рация не сто граммов весит. И в прошлый привал отдыхал меньше других...

Вообще-то отряд не выглядел уставшим и загнанным. Солдаты еще не знают, что их действительно собираются «загонять», как загоняют охотники дичь. Может, им этого и знать не надо, хотя они уже вскоре почувствуют всю прелесть положения, когда уйти некуда.

Вообще-то перед выступлением с базы Самурай приказал готовиться к длительному горному рейду. Не надо быть стратегом, чтобы сообразить, куда может привести этот рейд из первоначального места, где операция и началась. В горы здесь только один путь – к началу Веденского ущелья. Правда, там впереди будет еще возможность повернуть и в Аргунское ущелье, но кто-то из солдат уже видел у командира карту начала именно Веденского ущелья. И разговор быстро пошел о том, куда им предстоит двигаться. Правда, не вписывалась в систему солдатских предположений машина, на которой сюда приехали. Солдаты еще не знают, что машину «нечаянно» заметил вертолетчик, работающий с милицией в райцентре. И как и полагается, предупредил начальника райотдела. Машины спецназ ГРУ должен лишиться, иначе неправдоподобными выглядели бы все дальнейшие передвижения отряда в сторону, куда ему следует двигаться. Хотелось надеяться, что «КамАЗ» взорвут или хотя бы угонят. Лучше, чтобы взрывали не тогда, когда рядом окажутся солдаты. Но здесь есть возможность подстраховаться. Солдаты несут упаковку от дальнобойной снайперской винтовки. Бандитам нельзя винтовку уничтожать. Они ее захотят захватить...

Самурай намеренно повторялся... Он раз за разом прокручивал в голове план операции, прокручивал прошедшие события и предполагал различные варианты будущих событий, и постоянно пытался отыскать в плане слабые места...

* * *

В наушнике «подснежника» раздался легкий треск. Так бывает, когда кто-то поправляет микрофон. Младший сержант Лаврентьев и старший сержант Колосков, имеющие «подснежники», устроились перед капитаном в расслабленных позах и разговаривать с ним по связи пока не намеревались. Оставался только прапорщик Родионов.

Самурай поднял голову, чтобы рассмотреть скалу, облюбованную снайпером. Прапорщика снизу видно не было. Да и сама скала не голая. Ветром и птицами туда нанесло семян и по каменистым склонам, и поверху. По трещинам трава растет и несколько чахлых кустиков. И кустообразный маскировочный халат прапорщика не будет смотреться на скале чужеродным, даже если кто-то и сумеет рассмотреть эту скалу, что маловероятно. Нет здесь места, откуда простым смертным будет видно площадку, где Родионов устроился. К непростым же смертным можно отнести спортсменов-скалолазов, но спортсмены-скалолазы ищут себе для полезного времяпровождения другие горы, поскольку здесь местные жители их увлечение не понимают и не принимают и с громадным удовольствием прямо на скалах подстрелят, только момент подвернется, чтобы забрать снаряжение и провиант.

– Командир, мы не одни... – предупредил наконец сверху прапорщик.

– Кто? Сколько? Где? – задал Самурай сразу три коротких вопроса. И невольно посмотрел по сторонам. У него обзор тоже хороший был, но не такой, как у прапорщика. Все же на полста метров ниже...

– Впереди нас... Далеко, почти два километра... Тысяча девятьсот семьдесят четыре метра, если точнее... Уже спускаются... Шесть человек, боевики... Первый сильно хромотает...

– Возможно, эмир Имран Саидулюкаев... – констатировал капитан. – Он хромой. Если не он, то просто раненый...

Прапорщик думал недолго, присматривался сквозь прицел.

– Я видел его личное дело в «отстрельном списке»... Графа: «Подлежит уничтожению в первую очередь»... Если повернется, я узнаю... Еще метров двадцать, там тропа заворачивает... Увижу профиль...

– У Саидулюкаева шрам на горле... С правой стороны... Твоя оптика позволяет это рассмотреть? Красный шрам, узкий такой и глубокий – осколком царапнуло в первую чеченскую...

– Новая оптика позволяет рассмотреть даже родинки под рубашкой и татуировки на ягодицах, если они нанесены хорошей краской... – сказал Родионов. – Он сейчас повернется ко мне правым боком... Еще три шага... Есть... Есть шрам. Это Имран... Плохим я буду снайпером, если не уничтожу его, как фигуранта «отстрельного списка»... Мне класс понизят, командир... И это отразится на моей зарплате... Обидно...

В голосе Родионова были просьба и предупреждение.

– Они собираются встречать нас у машины? – спросил Самурай.

– Они не идут к машине... Они правее выходят, ближе к мосту... Стоп... Товарищ капитан, там нас уже, кажется, ждут... И Саидулюкаева тоже ждут... Еще одна банда... Имран их еще не видит... Там засада...

– На нас или на них? – этот вопрос волновал капитана Рудакова.

– У меня только оптика, товарищ капитан, у меня нет прослушивающей аппаратуры, и аппаратуры для чтения мыслей, к сожалению, тоже нет... Я не слышу, что там говорят, не знаю, что думают... Я сейчас через тепловизор смотрю... Они у меня, как в кино... Только в цветном негативе... Расселись по кустам... Готовы атаковать... Восемь человек, вместе с эмиром... Но лучший момент они уже пропустили... Там есть площадка, на которой спря-

таться не за что... Полностью простреливается с их позиции... Наверное, площадку для нас оставляли...

– А при чем здесь наша машина? – между делом поинтересовался Самурай.

– Затрудняюсь с ответом... Я подозреваю, что встретились конкуренты. Интересно понаблюдать. Если будут крутые разборки, я не отказался бы помочь какой-либо из сторон... Желательно, более слабой, потому что именно с ней нам потом придется иметь дело...

Прапорщику не терпелось испытать и второй вид патронов, сразу понял Самурай. Желание естественное, поскольку Родионов подозревает, что у него заберут винтовку после окончания операции. Пусть забирают, когда патроны кончатся. Все равно подходящие патроны подобрать будет трудно. Хотя, кажется, патроны от крупнокалиберных пулеметов НСВ и ДШК имеют тот же калибр – 12,7 мм, – только вот подойдут ли по длине и по конфигурации... Но все равно, даже эти патроны не имеют пули такого качества, как у винтовки родные... И качественные пули прапорщик желает израсходовать сам в настоящем деле, не оставляя их какому-нибудь генералу, который захочет испытать винтовку в тире... Генералы любят испытывать в тире трофейное оружие. Это всем известно...

– Не торопись... – попросил капитан. – Но наслаждаться представлением можешь... Представление может быть интересным для нас...

– Они не услышат моих аплодисментов. А актеры всегда на аплодисменты падки...

– Я услышу твои отзывы, ты комментируй все события... И не забывай, кстати, о другой стороне. Что у нас с другой стороны? – напомнил Самурай.

– Я проверил... Там тропа просматривается километров на пять... Стрелять бесполезно, но стрелять все равно не в кого... Там все глухо отдыхают...

Самурай не понимал почему не торопится погоня. Наверное, и сам подполковник Тамирханов не понял бы почему. Но он погоню только контролирует издали, не участвуя в ней. А подобный контроль дает мало, если участники погони не слишком изъясняют рвение попасть на прицел к снайперу, как попали недавно.

– Добро, комментируй спектакль...

– Вот... Началось... Один в кустах встал в полный рост... Представился... Значит, будут беседовать... Похоже, это тоже эмир... Лицом ко мне. Я его вижу... Сейчас, только в памяти полистаю... У меня зрительная память хорошая... Лицо знакомое, он наверняка есть в «отстрельном списке», но имя не могу вспомнить... Память на имена у меня хуже... Вертится что-то в голове...

У капитана Рудакова память была лучше.

– Из местных остались только два полевых командира... Давай думать... Эмир Ширвани Дуташев, самый авторитетный в округе, и самый сильный... Пожилой, сухощавый... Движения резкие, словно у него нарушена координация... Знаешь, как у людей с церебральным параличом, только в меньшей степени... Не он?

– Этот не пожилой... Мощный, стоит уверенно, как скала...

– Возраст какой?

– Сейчас, присмотрюсь без тепловизора... С тепловизором лицо узнать трудно... Так... Около тридцати... Может, чуть больше, может, меньше – борода старит... Но где-то рядом с тридцатью...

– Может быть, Хамидрашид Дадашев? – спросил Самурай. – Кроме него, здесь не осталось полевых командиров... Или кто-то пришлый...

– Вот... Точно... У меня как раз в голове какое-то длинное имя вертелось... Эмир Хамидрашид Дадашев... Кажется, он... Тоже – «Подлежит уничтожению в первую очередь»... Мне повезло. Которого будем уничтожать?

– Они друг другу враги... – объяснил капитан Рудаков, хорошо изучивший перед операцией обстановку в районе. – Они сами друг друга уничтожат... Не торопись... Рассказывай о спектакле... Мы успеем сориентироваться...

– Разговаривают... – комментировал прапорщик Родионов. – Сели на камушки... Настороженно... Саидулюкаеву трудно садиться, нога мешает... Это у него последствия ранения?

– Нет, от рождения хромой... Как ведут себя другие бандиты?

– Парни Саидулюкаева эмиров окружили по большому диаметру. Парни Дадашева не высовываются, держат первых на прицеле... Похоже, Саидулюкаев надеется договориться, иначе он не пришел бы так открыто... Это слишком неосторожно...

В неосторожность всегда осторожного и потому до сих пор живого Саидулюкаева капитану Рудакову не верилось.

– Я думаю, и к тому и к другому поступил если не приказ, потому что подполковник Тамирханов ими не командует, то просьба, призыв к совместным действиям... Я не удивлюсь, если местные менты вскоре присоединятся к этой компании. Посмотри назад... Проверь тропу...

Прапорщику Родионову потребовалась чуть ли не минута, чтобы переставить винтовку в другую сторону, установить ее так, чтобы ствол «не гулял», и найти в прицеле тропу.

– Вот, товарищ капитан, у вас нюх на ментов, как у старого уголовника... Показались... Идут осторожно... Человек тридцать... Это уже точно – менты...

– Тридцать человек – это много... Подполковник, похоже, со всего района силы собрал. Какая дистанция?

– Все та же... Около пяти километров... Мой дальномер такую дистанцию не определяет. У него максимальный расчет на три с половиной тысячи метров. Поэтому прикидываю на глазок... Стрелять сейчас смысла нет...

– Я понял... Они не успевают... Возвращайся к первым группам... Что там?

Еще минута ушла на возвращение прибора в предыдущее положение. Наушник доносил крик прапорщика при развороте на сто восемьдесят градусов.

– Беседуют. Мирно...

– Разговорчивые... Тридцать сзади... Четырнадцать впереди... Это не слишком много? – скорее сам себя, чем прапорщика Родионова, спросил капитан Рудаков.

Но ответил прапорщик, и ответил охотно, словно на своем настаивал:

– Я о том, командир, и говорю... Один выстрел в любого из эмиров – и они друг друга перебьют... Подумают, что начались разборки... И я со стороны помогу... Путь будет свободен...

Самурай усмехнулся.

– Пощади врага своего... Нам не нужен свободный путь... Хотя чуть-чуть себя обезопасить тоже не мешает... Всех не убивай... Начни с эмира, который тебе меньше нравится... Если есть у них снайпер, снимай его тоже... Чужие снайперы в деле лишние люди... Нам не должны мешать с дистанции... Оставь человека четыре... Они нам помехой не будут, но видимость погони создадут... Работай...

– Хорошо, я сейчас подумаю, как вызвать аплодисменты...

* * *

Любопытство человеческое можно разве что с чесоткой сравнить. Оно покоя никогда и никому не даст. Посмотрев с края площадки, где отряд устроился на отдых, и убедившись, что оттуда ничего за скалами не видно, а чтобы увидеть, необходимо больше половины склона пройти, капитан Рудаков сначала сам прилег на траве, вытянул руки и ноги крестом,

приняв наиболее способствующую отдыху организма позу. Потом, не выдержав и минуты, сел и спросил в микрофон:

– Саня, что там? Придумал что-то?

Самурай отсутствием воображения никогда не страдал. Картина перед глазами вставала ясная, но хотелось и комментариев к происходящему услышать.

– Они разговаривают... Кажется, заканчивают... Саидулюкаев ко мне спиной стоит... Если я убью его, его парни начнут стрелять в парней Дадашева, и наоборот. Будет взаимный разговор на языке автоматов. Я определил снайпера и передового наблюдателя. Их тоже уберу... О ком-то парни Саидулюкаева позаботятся, но многого они не сделают... Они не прикрыты, и их быстро положат...

– Работай... Как закончишь, расскажи...

Прошла еще пара минут. Самурай не ложился, дожидаясь сообщения прапорщика. Наконец снизу, издали, послышалась отдаленная, едва различимая, тем не менее активная автоматная стрельба. Выстрелов Родионова вообще слышно не было, хотя находился он близко. Глушитель на его винтовке еще раз доказал свое качество.

– Саня...

– Я отработал... – казалось, прапорщик задыхался и вот-вот готов был застонать. По крайней мере, самую простую фразу произнес он так, будто был на последнем издыхании.

– Что с тобой? Ранен? – обеспокоенно спросил Самурай.

– Хуже... – Голос у Родионова стал сиплым, севшим, будто сорванным истеричным криком. – Никогда не думал, что из танковой пушки можно сделать снайперскую винтовку. Пуля с керамическим наконечником отрывает руку и голову... Ни одна пуля с крестовым запилом¹¹ так не бьет... Я испугался этих выстрелов не меньше, чем боевики...

– Хватит пугаться... Что там происходит? – облегченно спросил капитан.

– Четверо осталось. Во главе с эмиром Хамидрашидом Дадашевым.

Снизу донесся звук взрыва.

– Все, командир... Мы без транспорта...

– Взорвали-таки? – сказано было с такой интонацией, словно Самурай получил удовлетворение от уничтожения боевиками армейского имущества.

– Взорвали... И отходят... Перебежками из стороны в сторону, от камня к камню...

– Ты произвел на них неизгладимое впечатление. Будут перебежками бежать еще много-много километров... Путь освободили... Дальше пойдем по руслу к горам... Посмотри, что там с ментами? Далеко они?

Прапорщик не отвечал больше минуты. Переворачивался, настраивал прицел, искал цель. Наконец, отозвался, но голос все еще оставался слегка хриплым.

– Прошли около километра. Значит, до нас осталось четыре... Торопятся, быстро идут. Сейчас рассмотрю... Несут два миномета и запас мин. Запас мин большой. Минутку... Считаю... Да... Двенадцать человек загрузили... В составе три снайпера...

Группу спецназа, естественно, «поливать» из миномета не будут, понял Самурай. Боевики побоятся винтовку испортить. Но они будут давать минометным обстрелом направление движения. Постараются не пустить туда, где некому будет прикрыть коридор. Обычное дело... А в том узком коридоре, что оставят для группы, маневрировать будет невозможно.

– А миномет ты своей винтовкой разбить сможешь?

¹¹ Пули с крестовым запилом были придуманы русскими солдатами в Первую мировую войну в ответ на применение немцами отравляющих веществ. Обыкновенная пуля от стандартной трехлинейной винтовки Мосина запыливалась на острие крест-накрест. При попадании в тело пуля разрывалась на четыре части, и в месте выхода оставляла громадную дыру. Немцы никак не могли понять, что за новые пули появились у русских войск.

– Сомневаюсь... Может, и есть винтовки, что НУРСами стреляют, но моя не из таких... Вот минометчиков обидеть смогу... Только придется ждать... Они слишком далеко... Но я, кстати, опробую винтовку на дальность.

– На сколько километров хочешь?

– Начну по пределу прицельной планки. Три с половиной тысячи метров.

– Начинай со снайперов... Потом займись минометчиками. Нам нужно лишить их возможности пугать нас издалека...

– Понял, командир... Подпускаю на дистанцию... Это займет, пожалуй, с полчаса... У нас есть возможность ждать?

– А нам вообще пока некуда торопиться... Пусть группа отдохнет... – согласился Самурай и увидел, что старший сержант Колосков, услышавший через наушник слова командира, обрадовался и повернулся на бок – возможность выпастись старший сержант решил не упускать...

* * *

И опять любопытство не дало капитану возможности расслабиться и отдохнуть. Он все думал о том, что же за винтовку такую они захватили, представлял себе ее возможности и понимал, что оружие это страшное, если оно попадет в руки к бандитам. Ходили слухи, что подобную винтовку захватили у грузинских диверсантов в Южной Осетии. Грузинская армия закупила в США несколько таких винтовок. Поговаривали, что у грузин с таким вооружением связаны большие надежды, и осетинам, в случае обострения конфликта, придется трудно. Но воочию и в деле подобное оружие наблюдать еще не приходилось. А хотелось самому, как боевому офицеру, увидеть действие винтовки, чтобы написать потом соответствующий рапорт. В производстве дальнобойного снайперского оружия Россия сильно отстала от всех потенциальных конкурентов. Может быть, хотя бы рапорт очевидца как-то повлияет на ситуацию или хотя бы привлечет к ней внимание командования...

Пролежав на траве минут десять, пытаясь погасить свое любопытство, Самурай с собой все же не справился, поднялся и быстро направился к скале, чтобы выбрать удобное для подъема место. Надо посмотреть, пока рядом опасности нет и нет необходимости следить за другими событиями...

– Саня? Я к тебе в гости... – сообщил он через «подснежник».

Прапорщик не отозвался...

Поднимался Самурай, видимо, тем же путем, который выбрал до него прапорщик Родионов. По крайней мере дважды капитан замечал в нанесенной ветром земляной пыли свежие следы. Обычно такие следы уже через день исчезают, поскольку безветрия, на подобных перевалах, в высоких местах, не бывает.

Подъем оказался не долгим и не слишком сложным. Но еще за несколько метров до верхней площадки капитан услышал шепот. Прапорщик Родионов с кем-то тихо разговаривал и потому, видимо, выключил «подснежник». Недоумевая, Самурай стал передвигаться тише и к площадке подобрался незамеченным. Выглянул через крайний камень. Родионов сидел к нему спиной, гладил винтовку и шептал ей:

– Красота, оказывается, тоже бывает страшной... Ты красивая и страшная... Ты сильная... Ты сама не знаешь своей силы... И никто не знает твоей силы... Только я... Ты самое лучшее на свете существо... Я люблю тебя...

– Саня! – позвал Самурай.

Прапорщик вздрогнул и обернулся. В глазах его были слезинки...

2. НИКАКОЙ ПОЩАДЫ...

Характер бойца в человеческой сущности эмира Хамидрашида Дадашева был все же преобладающим качеством. Потеряв половину личного состава, с трудом сохранившегося в нынешней обстановке отряда, он не только не утратил боевой пыл, но, напротив, возгорел желанием обернуть ситуацию в свою пользу. И при этом хладнокровный воин, как все горцы, прекрасно контролировал ситуацию и не намерен был в отчаянии бросаться грудью на амбразуру, когда можно было этого избежать. И потому, чтобы осмыслить случившееся и найти какие-то способы борьбы со страшным оружием, попавшим в руки федералов тогда, когда оно должно было попасть в руки их противников, решил отойти подальше и дал разумный и естественный в данной ситуации приказ к отступлению. Отходили перебежками, прячась за немногими здесь камнями, а не за кустами, которые с помощью тепловизора просматривались насквозь. О тепловизоре Хамидрашид предупредил особо. Он сразу понял, почему снайпер стрелял так быстро и так точно. Только потому, что заранее определил всех спрятавшихся бойцов и пробно, еще до выстрелов, несколько раз переводил ствол с одного на другого, чтобы в момент стрельбы не искать прицелом неизвестно кого, а знать, куда и на какое расстояние переводить ствол.

Так добрались до дороги, быстро, слегка запыхавшись от неравномерного бега, и остановились перевести дыхание в канаве под насыпью. Дорога имела высокую, крепкую, хотя и пологую насыпь, и после перебежки могла бы скрыть оставшихся бойцов от самых мощных пуль, но переходить разбитое асфальтовое полотно сложно и опасно; как понимал Хамидрашид, – это самый открытый участок, здесь даже тепловизора не надо, чтобы поймать человека в прицел. И потому дорогу перебежали все одновременно, по команде, предварительно рассредоточившись вдоль полотна на расстоянии десяти метров друг от друга. Рассредоточиться помогла грязная канава. Пусть по грязи пришлось ползти, но лучше отстирывать потом одежду от грязи, чем от крови. Если и достанут выстрелом во время пересечения дороги, решил Хамидрашид, то только одного, других физически не успеют. Да и одного сразу поймать в прицел трудно, слишком короткая дистанция...

Перебежка увенчалась успехом. Там, за дорогой, можно было уже расслабиться и, откинувшись спиной прямо на насыпь, вытянуть руки и ноги, глубоко вздохнуть, вспомнив пережитое только что, и собраться с мыслями. А мысли были, мягко говоря, безрадостные...

Хамидрашид в первую очередь попытался мысленно определить реальную опасность, которую представляет собой дальнобойная снайперская винтовка, чтобы потом уже ориентироваться на эту опасность, не подставляя себя и своих людей, но и не убегать, как было сейчас, не понимая сути опасности. Он сам никогда со снайперским оружием дела не имел, хотя пару раз и доводилось в прицел заглядывать, используя его вместо бинокля. И сейчас стало даже слегка стыдно за ту панику, которая десятью минутами раньше охватила бойцов джамаата и самого эмира, когда мощные пули буквально разрывали людей у них на глазах. Да, конечно, в руках опытного снайпера эта винтовка представляла смертельную опасность для любого подразделения, и ни один на свете бронежилет не в состоянии спасти от нее человека. Но это была все же не атомная бомба, от которой нет спасения, и не какое-то другое мощное, пусть и не ядерное, оружие. И уже одно это радовало. А от винтовки спасение есть, и воевать с теми, у кого она, можно и нужно, только делать это следует умело. А чтобы действовать умело, следует понять суть опасности. Хамидрашид был уже опытным командиром и понимал хорошо, что опасности можно избежать тогда, когда знаешь, чем и с какой стороны тебе грозят. Пока он понял только то, что привычные засады в кустах, где твой камуфляж сливается окрасом с листвой и делает тебя незаметным, уже не подходят для ведения активных боевых действий. Укрытие следует выбирать такое, сквозь которое не

будет высвечиваться твое тело, то есть надо прятаться за чем-то плотным, дающим надежную защиту даже от крупнокалиберной пули. Если пуля не пройдет через такую защиту, значит, не пройдет и выделяемое телом тепло. Все остальные выводы были не следствием знания, а только интуитивными и логическими. Даже простая снайперская винтовка с обычным прицелом за счет приближения цели теряет обзорность. Следовательно, несколько выстрелов подряд можно произвести только по замершим целям, по стоячим, сидячим, лежащим, но тоже – только определив все их заранее. Необходимо знать, где искать следующую цель. Таким образом, напрашивался вывод, что бегущий человек, тем более бегущий не по прямой линии, бегущий неровно, то ускоряясь, то притормаживая, имеет больше шансов выжить, чем стоящий на месте. И не только потому, что в бегущего сложнее попасть. Для хорошего стрелка, умеющего точно рассчитать скорость и дать необходимое опережение, и в бегущего человека не составит труда попасть. Просто бегущий человек выпадает из поля зрения прицела... И именно поэтому, предположил Хамидрашид, сидящий далеко снайпер не смог больше никого подстрелить, когда они отступали, а говоря правдиво, попросту в страхе убежали. Они выпали из обзорного поля...¹²

Кроме того, учитывая, что у страха глаза велики, Хамидрашид сделал для себя успокаивающий вывод, что прицел винтовки не в состоянии постоянно просматривать все вокруг. Спецназовцы не собираются стоять на одном месте. На марше в винтовку смотреть не будешь. «Дальнобойку» еще в руках удержать надо. Она тяжеленная... Следовательно, подкрадываясь к спецназовцам, не надо очень уж опасаться, что тебя видят. Больше шансов на то, что издали не увидят...

Таким образом, у эмира появились первые правила противостояния новой винтовке. И он, чтобы показать подчиненным свою грамотность в военном деле и тем поднять авторитет, подозвал оставшихся к себе и выложил то, что надумал.

– Может, лучше подальше от спецназовцев держаться? – предложил Мовсар Копченый. – Их все-таки два десятка, а нас четверо...

– Тебе и деньги не нужны? – поинтересовался Дукваха, что-то стирая с приклада снайперской винтовки убитого Вахи, которую, несмотря на общую торопливость под обстрелом, успел прихватить с собой. – Кстати, эмир, нас стало меньше... Деньги погибших куда пойдут?

– Ты сначала ту винтовку добудь... – сказал пулеметчик Беслан. – Деньги разделить успеем.

– Деньги погибших достанутся оставшимся в живых... – Хамидрашид решил стимулировать старание своих бойцов. – Следовательно, доля каждого сейчас увеличена вдвое... Отдыхаем еще полчаса... Даем возможность спецназу на тропу выйти... С тропы стрелять из «дальнобойки» сложнее... Потом тоже выступаем... Копченый... Тебе снова работать... Но об этом потом, решим на месте...

Хамидрашиду следовало подумать, какие действия вести дальше. В общих чертах он уже понимал, что следует сделать. Спецназовцы наверняка подойдут сначала к машине. Вернее, к тому, что от нее осталось. Кустов там много, не все взрывом вырвало. В кустах следует «растяжки» поставить... Конечно, следовало бы больше гранат взять, тогда «растяжками» можно было бы весь путь спецназа украсить. Наверное, снайпер не идет у них первым. А на «растяжке» обычно первый подрывается... И за целостность «дальнобойки» можно быть спокойным...

¹² Ошибка человека, не знающего, что современные оптические прицелы имеют переменное фокусное расстояние, которое позволяет увеличить обзорное поле. Точно так же объектив видеокамеры «движется» за убегающим человеком. А в настоящее время, согласно данным прессы, проходят испытания прицелы для дальнобойных винтовок австралийского производства, которые автоматически «захватывают» цель и не отпускают ее, самостоятельно, без участия снайпера, изменяя фокусное расстояние. Правда, такая винтовка значительно утяжелена за счет компьютера, вмонтированного в приклад.

Еще стоит поискать там же место, откуда можно несколькими пулеметными очередями уменьшить количество бойцов в отряде федералов. И Дукваха пусть из винтовки Вахи сделает несколько выстрелов... Все, потом меньше хлопот... Обстрелять и сразу отойти... Только пути отхода следует заранее изучить. Такие пути должны быть, чтобы можно было за камнями и скалами прятаться, а не за кустами... И этой тактики придерживаться и потом. Это даст результат... Страшно ходить по тропам, когда каждую минуту и выстрела ждешь, и от тропы взгляд не отрываешь из-за боязни за «растяжку» зацепиться... Нервы на пределе будут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.